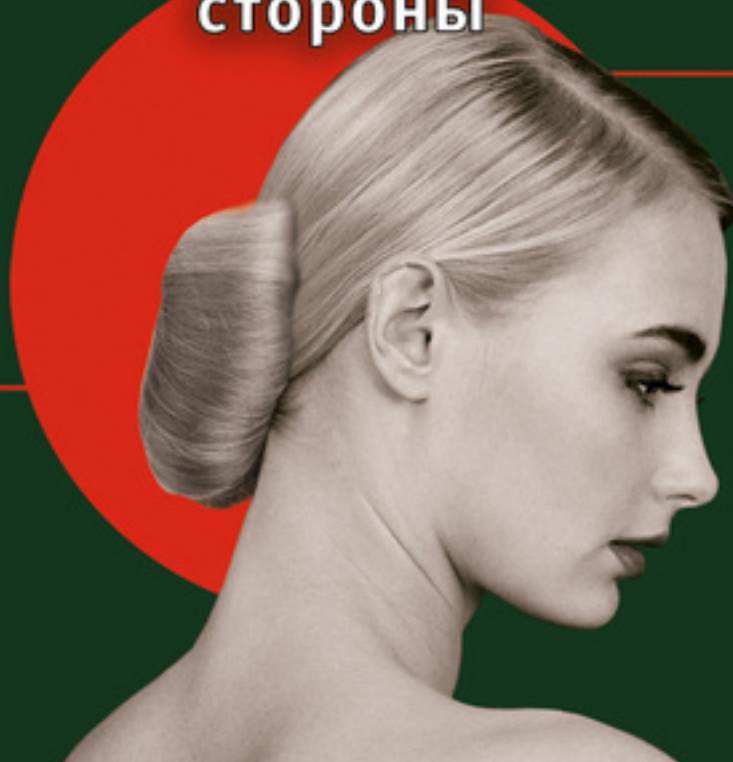

любовный детектив

Елена АРСЕНЬЕВА

На все четыре
стороны

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

На все четыре стороны

«Автор»

Арсеньева Е. А.

На все четыре стороны / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 5-699-15662-3

Ничего себе – сходила писательница Алена Дмитриева в библиотеку! Ее столкнули с лестницы и обокрали. Утащили... картонную закладку из книги. И это не где-нибудь, а в самом Париже. Жаль, что не сразу Алена узнала истинную цену похищенной у нее вещи! Теперь тут и там ведутся разговоры о некоем бесценном раритете, вокруг русской дамы выются подозрительные люди в шляпах. Наверняка они – конкуренты в поисках сокровищ, к которым могут привести те цифры, что были начертаны на закладке! Значит, нужно найти ее, разгадать шифр и опередить всех. Детективный азарт захватил горячее сердце писательницы. И странное расследование началось...

ISBN 5-699-15662-3

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Из воспоминаний Зои Колчинской	14
Из воспоминаний Зои Колчинской	25
Из воспоминаний Зои Колчинской	33
Из воспоминаний Зои Колчинской	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Арсеньева

На все четыре стороны

*С тех пор как в Париже
Взяли Бастилию,
Во всех предместьях,
На каждом перекрестке
Парни и девушки
Прямо на мостовых,
Безостановочно, днем и ночью,
Кружатся и танцуют,
Танцуют и кружатся —
В Париже!*

Из песни «À Paris...»

Paris, то есть Париж. Знаете, это такой город... Это город исполнения заветных желаний!
À Paris, то есть в Париже, каждый находит то, что искал, и обретает то, за чем приехал.

Кто-то бродит по залам Лувра и восторженно причитает про себя: «Мона Лиза! Венера Милосская! Ренуар, Ван-Гог, Сезанн! Да не во сне ли я?!»

Кто-то, задыхаясь не то от крутизны улочек, не то от восхищения, поднимается на Монмартр, глядит с его высот на огромный, тающий в дымке (Париж всегда тает в легкой романтической дымке, даже в самый ясный день) восхитительный город и чувствует при этом никакие не мучения¹, а ошалелое, щенячье, незамутненное счастье оттого, что, как поется в оперетте, «у ног твоих лежит блистательный Париж...».

Кто-то сидит за столиком бистро, выставленным на тротуар, потягивает какой-нибудь там сюз, или кир, или другой аперитивчик, или просто кофе из такой крохотной чашечки, что не поймешь, пьешь ты или просто вдыхаешь горький, черный, горячий аромат. Сидит, стало быть, греется на солнышке, наслаждается зрелищем (за этими столиками, выставленными на тротуар, нормально есть невозможно, можно только глазеть по сторонам): поток машин, поток людей, солнце, ветер, шелест платанов, смех, запах бензина, откуда-то музыка налетает... это совсем необязательно Ив Монтан, но все равно – *Paris, de Paris, À Paris!*² – и ощущает себя настоящим парижанином, потому что *так* умеют сидеть в бистро (в разгар рабочего дня, между нами говоря!) только настоящие парижане.

Кто-то шляется по авеню Опера, или по великолепным, ошеломляющим Елисейским Полям, или по сонному Тюильри, бросая взгляды на проходящих мимо женщин, и размышляет: «А ведь лгут люди, будто француженки вовсе не красивы! Красивы и на диво элегантны!» Но тут есть одна тонкость... Если женщина красива – значит, она не француженка. А если элегантна – значит, француженка непременно. Так, как парижанки, носить одежду не умеет никто. Даже и пытаться не стоит.

Кто-то с обалделыми глазами носится по этажам Галери Лафайет, столбенея то около одного бутика, то около другого, периодически спускаясь на первый этаж, где продается парфюмерия, чтобы, словно наркоман, припасть к букету невероятных ароматов от Сен-Лорана-Кардена-Риччи-Арден-Диора-Ланком-Барбери-Шанель-Кензо-Сисле-Живанши-Дольче&Габана... *et cetera, et cetera, et cetera.*³

¹ Montmartre – гора мучеников (*франц.*).

² Париж, о Париже, в Париже! (*франц.*).

³ ...и так далее (*франц.*).

Ну, короче говоря, каждый находит в Париже то, что искал, и обретает то, за чем приехал. Некая особа по имени Алена Дмитриева, к примеру, какое-то время пребывала в уверенности, что приехала сюда ради того, чтобы прочесть новую книгу и заодно узнать ужасное слово «fracture» – «перелом». Потом она решит, будто оказалась здесь для того, чтобы обнаружить два трупа. Потом – чтобы научиться танцевать аргентинское танго в стиле милонгера. Потом – чтобы покопаться в ящичках с хрустальными подвесками. Потом... Потом она вообще перестанет понимать, что здесь делает...

А начиналось все возвышенно и интеллектуально. Алена пошла в русскую библиотеку на рю де Валанс, что находится в пятом округе Парижа. Библиотека замечательная – основана самим Иваном Сергеевичем Тургеневым, отчего и называется Тургеневской.

Алена подошла к дому и нажала на кнопку внизу кодового замка. Замок щелкнул, Алена толкнула дверь, пересекла зеркальный, чистенький подъезд, в котором по-прежнему стоял сильный запах краски, и подошла в лифту. На ручке кабины болталась табличка с надписью: «Fermé!»

Алена пожалала плечами – странная табличка. Обычно, если лифт не работает, так и пишут: «Excusez, l'ascenseur ne travaille pas!», то есть «Извините, лифт не работает!». А тут почему-то сообщают: закрыто, мол. И без всяких извинений. Ну и ладно, fermé так fermé. Видимо, даже французы устают быть беспрестанно вежливыми. Алена миновала лифт и вошла в лестничный отсек, в котором находилась самая крутая и неудобная в мире лестница. И, шагая со ступеньки на ступеньку, подумала: «Похоже на подъем на какую-нибудь колокольню!»

Это была ее последняя связная мысль за довольно долгий промежуток времени, потому что, когда она дошла до поворота лестницы и начала подниматься на площадку, где находилась библиотечная дверь, кто-то вдруг метнулся сверху и с силой рванул сумку из ее рук. Алена потеряла равновесие, резко развернулась и сорвалась со ступеньки, на которой стояла. Каким-то чудом она успела уцепиться за перила, однако падение не остановила, а просто задержала его, сорвалась не куда-нибудь в подzemелье замка Иф, а всего лишь на три ступеньки. Впрочем, и этого ей оказалось вполне достаточно, потому что она упала на оба колена, причем упала так, что...

Сначала у нее заискрилось перед глазами, а потом тошнота подкатила к горлу от несусветной боли. И весь мир как бы померк. «Понимаешь, это остро, очень остро!» – пробился сквозь шум в голове чей-то прочувствованный голос. А песня была когда-то со словами: «Понимаешь, это остро, очень остро – солнце, ветер, море, сопки и дожди...», что-то в таком роде. Они пели ее с девчонками и кавалерами в Хабаровске, у костра на высоком берегу Амура. Кстати, была еще одна песня, как раз про высокий берег Амура, на котором кто-то стоит... Часовые родины, вот кто! Они там стоят, а она тут лежит. Она, Алена Дмитриева, лежит, поверженная во прах...

И, как принято писать в романах, вся жизнь прошла перед ее глазами.

Ну, если не вся, то хотя бы события двух последних дней. Странные события... И странности начались, что характерно, именно с посещения этой же самой библиотеки.

Здесь Алена бывала раз или два во время своих прошлых приездов в Париж. Однако она в больших городах ориентировалась плохо (почему-то в лесу ей заблудиться никак не удавалось, а вот в городе, тем паче большом, такое случалось сплошь и рядом!), к тому же уродилась она барышней забывчивой, и адрес постоянно вылетал у нее из головы.

Рю де Валанс, 9а или 11? 11 или 9а?.. Дома в Париже обычно стоят сплошняком, занимают целый квартал, и на наш нормальный, человеческий, русский взгляд это вообще один дом. Этакая великая стена. Однако французы присваивают номер каждому подъезду, каждой двери! Так вот, обе двери – 9а и 11 – были похожи до одурения. Особенно тем, что обе были закрыты. Цифры кодовых замков являли собой некую неразгадываемую каббалу, и даже наи-

вернейшая российская примета: нажимай на самые стертые цифры – и откроешь любой замок, тут не срабатывала, потому что все имели девственно-новехонький вид.

Алена пометалась между дверьми, пометалась, ну а потом, как у нас, у русских людей, водится, призвала на помощь вышние силы.

– Черт! – сказала она вполголоса, но от всей души. – Черт, да где же эта несчастная библиотека?

В то же самое мгновение («вдруг» – как обожают писать дамы-детективщицы, к числу которых, заметим в скобках, принадлежала и наша героиня) дверь с номером 11 открылась и оттуда показалась дама – особа преклонных, даже очень преклонных лет. Но если возможно в восемьдесят (хотя ей вполне могло оказаться и девяносто лет) выглядеть хорошо, то она выглядела очень хорошо. Нет, пожалуй, просто классно!

Вообще-то, Алена любила смотреть на красивых немолодых дам. Это внушало ей некоторое утешение: если они могут *так* выглядеть в запредельные годы, может, удастся то же самое и ей? Если доживет, конечно. А то вдруг да повезет умереть еще относительно молодой и более или менее красивой...

Короче, дама, вышедшая из заветной двери, была просто загляденье. Изыщная, стройная, миниатюрная, прямая, как тростиночка, плечи не поникли, голова не трясется, ноги не дрожат, живот не висит, прическа состоит из продуманно-беспорядочных синевато-седых, словно зимнее облако, прядей. Все еще красивое ее фарфоровое лицо тронут легким румянцем (но не румянами!), подкрашено в самую меру, почти полное отсутствие мимических морщин говорило о том, что перед Аленой предстала почитательница ботокса, рестилайна, подтяжек и разных прочих современных косметических «примочек», которые поганой метлой изгоняют прочь самонадеянные признаки старости. Одежда дамы выдавала истинную француженку, на которой шедевром смотрелось бы даже платье какого-нибудь Мосшвейпрома образца семидесятых годов минувшего столетия и обувь фабрики «Красный треугольник». Впрочем, дама была одета в изделие парижских мастеров *prête-à-porter*, а на обувь Алена посмотреть не успела.

– Bonjour, madame, excusez moi, vous ne connaissez pas, où ici il y a une bibliothèque russe?⁴ – старательно построила Алена изысканно-вежливую фразу (французский язык у нее отнюдь не отскакивал от зубов и был, мягко говоря, ученическим). Впрочем, ей удалось не только построить, но даже выговорить эту фразу, ни разу не споткнувшись. И все же, судя по всему, она допустила какие-то ошибки, потому что прекрасная старушенция посмотрела на нее с нескрываемым отвращением и прошипела сквозь отличные белые зубы:

– Ждэш! Пэрвый этаж! Читат можэш?

Вообще-то, подразумевается, что человек, идущий в библиотеку, как минимум, обучен грамоте, поэтому вопрос дамы был неуместен. Однако тотчас выяснилось, что это юмор у нее такой, типа, ирония: она ткнула пальцем в небольшую аккуратную карточку, прикрепленную около кнопки, автоматически открывающей дверь: «Bibliothèque russe Tourguénev», а вслед за тем исчезла.

То есть она, очень возможно, ушла, как все люди ходят, а не провалилась сквозь землю, не улетела на помеле и не проделала чего-нибудь столь же экстраординарного («Extraordinaire!» – обожают восклицать французы то и дело, по поводу и без повода). Однако Алена таких тонкостей не заметила, потому что во все глаза смотрела на карточку, которой, она могла бы поклясться, несколько мгновений назад здесь не было.

Впрочем, наша героиня и сама не слишком-то верила своим собственным клятвам. К примеру, три месяца назад она готова была поклясться, что некий молодой человек по имени Игорь, в которого она была без памяти и без рассудка влюблена, тоже любит ее. Однако он оказался к ней клинически равнодушен, и когда это открылось (самым пошлым, самым три-

⁴ Добрый день, мадам, извините меня, вы не знаете, где здесь находится русская библиотека? (франц.)

виальным образом!), даже не попытался вернуть былое, а принял разрыв, глазом не моргнув и бровью не поведя. А еще в ту минуту Алена готова была поклясться в том, что разрыв с возлюбленным мальчишкой (Игорь был много младше ее) переживет если нелегко и просто, то с достоинством, что обида закалит ее гордость, укрепит сердце, и все такое. Однако... однако разрыва она все-таки не пережила, увы. Так что ныне по городу Парижу ходила очень симпатичная, даже красивая, улыбчивая и приветливая оболочка, а суть ее, суть прежней Алены Дмитриевой, которая некогда сияла и сверкала счастьем и любовью, умерла. Да, умерла, но отнюдь не покоилась в мире, а непрестанно мучилась в аду воспоминаний. И никакие «припарки» местного значения, вроде неустанной и беспрестанной работы, писания новых и новых книг, даже поездок в волшебный Париж, воскреснуть ей не помогали. Если мы скажем, что существовала она отныне лишь для исполнения долга перед любимым издательством «Глобус», это не будет слишком большим преувеличением.

Так вот о клятвах... Нет, с клятвами мы уже покончили. Так вот о табличках! Табличка с надписью «Bibliothèque russe Tourguénev» была, конечно, здесь и прежде, просто рассеянная писательница ее не заметила. Она вообще ничего не видела дальше своего носа, ну а надпись находилась все-таки на некотором расстоянии от него.

Налюбовавшись на оную и подивившись своей рассеянности, Алена вспомнила еще кое-что удивительное: дама-то говорила как бы по-русски, но с непонятным каким-то акцентом, твердым и шипящим. И загадочное «ждэш» означало вовсе не то, что бестолковая Алена ждет неведомо кого или чего, а являлось наречием «здесь». Здесь, мол, находится Тургеневская библиотека, здесь, поняла, русская дура?

— Oui, — сказала вышеназванная уже неведомо кому, так как стояла перед дверью одиношеника, причем сказала почему-то по-французски. Продолжая машинально бормотать: — Да, спасибо, в смысле merci, я все поняла. — Алена нажала на кнопку и вошла в открывшуюся дверь, недоумевая, как ей только могла взбрести мысль о номере 9а. Не иначе, черт попутал, тот самый, которого она недавно помянула.

Алена прошла холл, в котором сильно пахло краской (видимо, где-то поблизости шел ремонт), и начала подниматься по лестнице. Она и сама, без подсказок всяких шипящих дам знала, что находится библиотека на первом этаже обычного многоквартирного дома. Французский первый этаж — это наш второй. Подняться на первый этаж (звучит утомительно, не правда ли?) можно было или на лифте, или по узехонькой винтовой лестничке с неудобными ступеньками. Лестничка находилась не в основном подъезде, а в неудобной шахте, и когда Алена шла по ней в библиотеку, каждый раз у нее возникало такое чувство, будто она взбирается на какую-нибудь колокольню, а когда возвращалась, казалось, что спускается в какое-нибудь подземелье, скажем, замка Иф. Сама библиотека располагалась в довольно тесной квартирке. Конечно же, великий русский писатель Тургенев, основывая русскую библиотеку, никак не подразумевал, что она будет находиться в столь непригодном помещении, однако превратности судьбы заставили ее перебраться именно сюда. А впрочем, бывает и хуже, здесь книгам все же есть где стоять, и каталоги отличные, и даже компьютером разжилась библиотека...

Алена поздоровалась с двумя милыми дамами, которые здесь владовали, и прошла в зал (зальчик!) каталогов. Там уже работали несколько человек, но на негромкое «здравствуйте» новой посетительницы (Алена Дмитриева когда-то где-то прочитала, что умный человек здоровается первым, и всю жизнь придерживалась этого принципа, а потому выходило, что она практически одна такая умная) никто не ответил. Увы, соотечественники наши угрюмы и неприветливы, а также хамоваты — в отличие от французов, которые, чудится, на свет рождаются, уже зная три волшебных слова: bonjour, pardon, merci, что в переводе на язык родимых осин означает: «здравствуйте», «извините», «спасибо».

Везло ей нынче на хамоватых соотечественников, везло!

«Интересно, кто такая была та особа? – размышляла Алена, перебирая карточки в длинном каталожном ящичке, озаглавленном: *«Эмиграция. Воспоминания, автобиографии»*. – Небось из бывших. Причем из очень давних бывших! Нас всех, «советских русских», конечно, ненавидит. И правильно делает. А за что нас, строго говоря, любить? Да ладно, нечего думать о ней, работать надо!»

Наша мыслительница сноровисто просматривала карточки, занося на листок наиболее интересные названия. Разумеется, делала она это не ради простого любопытства или из страсти к чтению, а исключительно для дела. Потому что Алена Дмитриевна писала не только обычные детективы из серии «Пришел, увидел, застрелил», но и так называемые детективы исторического типа: «Пришел, увидел, застрелил из дуэльного пистолета» или «Пришел, увидел, заколол шпагой». Как ни странно, такие псевдоисторические поделки ей весьма удавались. Главным образом потому, что Алена обожала конкретные исторические детали, которые и придавали особый интерес ее творениям. Раскапывать эти детали ей никогда не надоедало, вот отчего она и была завсегдатаем библиотек. Последнее время ее заинтересовала история русской эмиграции. А как известно, нет более интересного источника сведений, чем воспоминания очевидцев, мемуары. В библиотеке же парижской имелись мемуары воистину уникальные. Именно поэтому Алена (она была изрядный трудоголик!), приехав в Париж к подруге – развеяться, повеселиться и немного подлечить истрепанные последними событиями личной жизни нервы, – чуть ли не тотчас отправилась в русскую библиотеку.

Алена выписала несколько названий и собралась пойти сделать заказ, как вдруг заметила на полу несколько ящиков с книгами. А также увидела листок бумаги, прикрепленный к стене над этими ящиками: *«Все по 5 евро»*. Понятно: освобождая место для новых поступлений, библиотека распродавала никем не читаемое старье или лишние дубликаты. Писательница немножечко повздыхала о том, что, очень может быть, настанет время, когда и ее книги (они тоже имелись в этой библиотеке и вроде бы даже пользовались читательским спросом) будут лежать в таких же ящиках среди прочего второ– или даже третьесортного мусора. Наша героиня весьма трезво оценивала свое место в мировой и отечественной литературе и точно знала, что не принадлежит к властителям умов. Однако заикливаться на сей пессимистической мысли Алена не стала. Во-первых, она была по зодиаку Дева, а чуть не во всех гороскопах сказано, что представители этого знака редко бывают оценены при жизни по достоинству, зато после смерти получают свое. То есть надежда на посмертную славу ее все же грела. Но даже если прогнозы не сбудутся и детективы Алены Дмитриевой когда-нибудь, лет через пятьдесят, все же угодят в аналогичный ящик по аналогичной цене, она все равно никогда об этом не узнает...

Алена склонилась над ящиками. Там было море изданных в Москве и Ленинграде томиков с унылыми совковыми названиями. Наверное, диссиденты всех поколений, бежавшие из Советского Союза, первым делом отрясали со своих стоп именно этот идеологический прах, презентуя его Тургеневской библиотеке. Ничего интереснее «Хождения по мукам» Алена не нашла, однако данная книга у нее, разумеется, имелась, читала ее наша героиня не раз, не два и даже не три, поэтому покупать ее она не собиралась. И все же взяла том в руки, открыла наудачу. Мельком посмотрела на знакомые, любимые строки и словно с давними друзьями встретилась, переглянулась, словом перекинулась:

«Данюша, милая, – писала Катя, – до сих пор ничего не знаю ни о тебе, ни о Николае. Я живу в Париже. Здесь сезон в разгаре. Носят очень узкие внизу платья, в моде шифон. Париж очень красив. И все решительно, – вот бы тебе посмотреть, – весь Париж танцует танго. За завтраком, между блюд, встают и танцуют, и в пять часов, и за обедом, и так до утра. Я никуда не могу укрыться от этой музыки, она какая-то печальная, мучительная и сладкая. Мне все кажется, что хороню молодость, что-то невозвратное, когда гляжу на этих женщин с глупо-

кими вырезами платьев, с глазами, подведенными синим, и на их кавалеров. В общем, у меня тоска...»

Алена захлопнула книгу и зажмурилась. Не про нее ли написано? Она тоже считала, что Париж очень красив... У нее тоже тоска. И ей тоже казалось, будто она давно хоронит – какое там, давным-давно похоронила! – молодость, потому что когда-то, как будто уже во времена незапамятные, она танцевала танго с Игорем, только не то, аргентинское, которое танцевали в Париже в 1914 году, а другое – новое, деревянное, грубое, так называемое классическое танго, состоящее из нелепых шагов на полусогнутых ногах, из неуклюжих движений под прекрасную музыку. Но тогда Алене было все равно, что танцевать, ведь он был рядом, он прижимался к ней, она прижималась к нему, он улыбался, и губы его были рядом, и глаза, эти его глаза, любимые и лживые, которые одинаково сияли для всех, а она-то думала...

Ладно, проехали. Больше никаких воспоминаний об Игоре! Хватит, в самом деле, снова и снова ходить по этим самым мукам!

Алена зло бросила книгу в ящик, но высокая стопа под ее тяжестью разъехалась, и несколько томиков свалились на пол. Само «Хождение...» вообще скользнуло в щель между ящиком и стеной. Алена сунула туда руку и нащупала еще одну завалившуюся книжку – маленькую, довольно тоненькую, в плотном кожаном переплете.

Вытащила ее. Названия на обложке нет, титульного листа нет, даже на семнадцатой странице не имеется штампа библиотеки, потому что таковая страница вообще отсутствует, как и все – с начала и аж до двадцатой. Конца, кстати, тоже нету, а значит, и выходных данных. Хотя в те времена выходные данные, кажется, на последних страницах не печатали... А впрочем, сие не суть важно. Листочки книги желтые-прежелтые, ломкие, источающие сухой, душный аромат старой пыльной бумаги, схожий (это было подмечено задолго до Алены, и она, страстная библиофилка, обожала то необычайно точное сравнение!) с ароматом засушенного цветка. Аккуратненькая бледно-желтая, выцветшая ленточка подклеена под переплет, и на ней держалась простенькая, картонная, цвета слоновой кости закладка с трогательным, но не слишком-то аккуратно вырезанным посерединке сердечком. А под ним нацарапан столбик цифр:

1 и 8

2 – 9

3 – 6

2 – 16

3 – 15

4 – 14

5 – 13

6 – 12

7 – 11

8 – 10

10 – 8

11 – 7

12 – 6

13 – 5

14 – 4

15 – 3

16 – 2

17 – 1

Цифры написаны лиловыми чернилами. То есть когда-то чернила были фиолетовыми, да выцвели. Ну да, кто-то начертил те цифры давно! Судя по шрифту, книга издана в двадцатых годах: именно тогда в эмигрантских изданиях новое «советское правописание», исключившее буквы «ер» («ъ») на концах слов, «ять» («ћ») и «иже» («и») боролось с еще не умершим и даже ностальгически культивируемым среди «бывших людей» правописанием старым. Наметанный взгляд Алены сразу наткнулся на разницу в орфографии таких слов, как «вознаграждѣніе» и «ощущѣнія», «морфій» и «опій»... Одни слова были написаны по старым правилам (перед гласной не «и», а «і»), вторые уже по новым. Сосуществовали здесь «разрѣшѣніе» и «мнѣ» с «застрѣлѣть», и «в видѣ», хотя во всех этих словах следовало писать именно «ћ». А что касается «еров», твердых знаков, в тексте вообще царила полная неразбериха, как, впрочем, и в написании «о» и «е» после шипящих: встречались варианты «багажом» и «багажем», «чорт» и «черт» – ну и все такое.

Сначала наша героиня, заслужившая в свое время ироническое и даже где-то презрительное прозвище Пуристки, то есть слишком уж строгой ревнительницы, именно за ее отношение к правилам правописания, обращала внимание исключительно на орфографию, но вот глаза ее вникли в смысл читаемого, и у Алены радостно встрепенулось сердце. Насколько можно было понять на беглый взгляд, в ее руках находились записки бывшей сестры милосердия, пережившей отступление Добровольческой армии Деникина из Ростова, попавшей в плен к красным и чудом спасшейся. Но ведь это именно то, что нужно для нового романа! Замечательная фактура, на основе которой Алена с присущей ей лихостью построит забойный сюжет! (Однако заметим в скобках, что жизнь порою заносит нас на такие повороты, по сравнению с которыми самые изобретательные сюжетные зигзаги книг – просто нуль без палочки.)

Наша писательница на мгновение остолбенела: неужели это такое несметное богатство фактического материала можно купить всего за пять евро?! А затем, отмерев и не веря своему счастью, Алена понеслась к столу библиотекарей, левой рукой прижимая книжку к сердцу, а правой шаривая в сумке кошелек.

Одна Аленина знакомая – особа, очень сильно битая жизнью, – любила пессимистично изрекать: «Никому нельзя верить!» Насчет того, чтобы совсем уж никому, – это преувеличение, конечно, однако лукавому счастью и в самом деле верить нельзя. Алена в этом не замедлила убедиться. При виде книжки у обеих библиотечных дам сделались изумленные глаза, обе они всплеснули руками и хором воскликнули:

– Где вы это взяли?!

Алена объяснила, где.

Дамы почему-то не поверили, сходили в комнату каталогов и тщательно обследовали ящики с книгами, как будто надеялись найти там доказательства Алениной ужасной лжи. А когда вернулись, сообщили Алене, что в ящик с ненужными книжками невероятным образом попал один из библиотечных раритетов, которые не то что не продаются – даже на дом читателям не выдаются, с этими раритетами разрешено работать только в читальном зале (он же зал каталогов). Поэтому ежели Алене Дмитриевне угодно, то она может сесть там за стол и читать книжку, пока не надоест. Ну а если нет... На нет и суда нет.

Страшно разочарованная, Алена стояла, понурясь, и размышляла, что делать. Ксерокса в библиотеке нет, а она не взяла с собой ни тетради, ни блокнота, в которые можно было бы делать выписки. Нет, не выписки, – переписывать ей пришлось бы весь текст подряд, слово в слово. Такое у нее было ощущение. Ощущение профессионала!

Можно было бы оставить книжку и сбежать купить тетрадку. Но района Алена не знала. Где тут искать писчебумажную лавку? Ближайший универсам «Моно- grix», в котором продается все на свете, в том числе и тетради, довольно далеко отсюда. А времени уже около шести. Библиотека работает до семи. Пока туда, пока сюда... Когда же работать?! Сегодня четверг, значит, снова библиотека откроется только в субботу – она работает три дня в неделю. И как

дожить до субботы любопытной, нетерпеливой писательнице?! Терпение отнюдь не принадлежало к числу ее достоинств... К тому же некое предчувствие не то что говорило, но просто криком кричало ей: «Выпустишь книгу из рук – и больше не видать тебе ее как своих ушей!»

Конечно, выбора особого не было, и, может статься, Алена все-таки пошла бы в «Мопоріх» за тетрадкой... но тогда ее жизнь и много других жизней (и смерти в том числе!) сложились бы совершенно иначе... Однако именно в то мгновение словно бы некий черт подсуетился и дернул одну из библиотечных дам за язык.

– Слушай, Ирина, – сказала она напарнице, – а ведь это та самая книга, которую ищет мадам де Флао. Ты представляешь?! Я перерыла все полки, а она нашлась буквально через полчаса после ее ухода! Надо немедленно позвонить ей, пусть приходит и забирает свое сокровище.

Алена мигом насторожилась.

– Что?! – возопила она. – Значит, книгу все же выдают на дом? Но почему какой-то мадам де Флао можно ее взять, а мне нельзя?

Дамы, пойманные на месте преступления, жутко смутились, начали что-то бекать и мекать, оправдываясь, и наконец выяснилось, что эта самая мадам де Флао – невероятно щедрая меценатка, одна из тех благотворительниц, на средства которых и выживает сие богоугодное заведение. Потому-то отказать ей в просьбе просто неудобно. «Не-у-доб-но, вы понимаете, Алена Дмитриевна?»

– Ну и что? – сердито спросила вышеназванная. – Я тоже в некотором роде меценатка. Я вам дарила свои книги? Дарила. Они пользуются спросом? Пользуются. Ну так дайте мне книжку до субботы. Это же фактически на один день! Вы ведь уже скоро закрываетесь, а я буду здесь ровно в три, к самому открытию, даже раньше, если нужно, и принесу книгу в целости и сохранности, и ваша мадам де Флао сможет ее взять. Ну что случится, если она подождет всего денек?! Ведь если бы я не нашла книгу, она бы ее вообще никогда не получила!

Дамы призадумались. Конечно, им было неловко, что они так бездарно прокололись. Но сами виноваты! К тому же в доводах Алены была определенная логика. И в конце концов библиотекарши, повздыхав, дали-таки ей книжку, отклонив даже предложение взять залог, а положившись только на честное-пречестное, самое-самое расчестное слово писательницы быть здесь ровно в три часа. Правда, не в субботу, а в пятницу. «Вообще-то, для посетителей в это время библиотека закрыта, мы работаем с картотекой, наводим порядок в фондах, но от вас книгу примем, раз такое дело», – сказали они. Алена возблагодарила судьбу и добрых женщин, положила книгу в сумку и, прижав к груди, отправилась домой. Она была уже на пороге, когда вдруг услышала голос старшей библиотекарши:

– Мадам де Флао! Нашлась, нашлась книга вашей матушки! Нашлась! Да, это большая радость. Нет, нет, сейчас не приходите, вы сможете получить ее только в субботу. Да нет, сейчас это невозможно, невозможно. Извините, мадам де Флао, но сегодня мы никак...

Уже! Успела! Позвонила! Доложила!

Алена не стала слушать дальнейших причитаний, захлопнула дверь и ринулась прочь с такой скоростью, словно неведомая мадам де Флао могла выскочить из-за угла и отнять драгоценную книжку. Она так разволновалась, что споткнулась на крутой лесенке, ведущей, как уже было сказано, в подземелье замка Иф, когда идешь сверху вниз, и едва удержалась на ногах.

«Вот был бы кошмар! – подумала она, испуганно приткнувшись спиной к холодной стене. – Тут и ноги переломать недолго! Нет, теперь буду ездить только на лифте!»

Она двинулась дальше, осторожно на шаривая ногой ступеньки, как если бы была инвалидом или беременной женщиной.

Выйдя на улицу, Алена на мгновение задержалась около подъезда, запоминая номер дома. «11, 11, 11! А вовсе не 9а!» – твердила она самой себе. Затем отправилась к станции метро, чувствуя себя почти счастливой оттого, что никакая мадам де Флао ее уже не догонит, и

словно бы впервые наконец-то осознав, что она в Париже – в Париже! – и солнце светит мягко, и опавшие с платанов листья, те самые les feuil– les d’automne, о которых так чудесно поет Ив Монтан, шелестят под ногами, и журчит фонтан на крохотной площади, и отбивает шесть раз колокол в прелестной церкви Святого Менарда, и проносится мимо на велосипеде красивый загорелый парень, посылая ей обольстительную улыбку, а мужчина постарше, но тоже очень симпатичный, сидящий за столиком быстро, играет глазами, глядя на нее поверх радикально–зеленого бокала с коктейлем «Дьявольская мята»...

«Пациент скорее жив, – подумала Алена, отвечая на взгляды взглядами, на улыбки улыбками, на игру игрой (это так же естественно в Париже, как здороваться, извиняться и благодарить), а потом останавливаясь около лотка и покупая любимое мороженое le rhum avec le raisin (то есть ром с изюмом) в красивом вафельном виточке. – Да, пациент скорее жив, во всяком случае, сегодня. Ну, спасибо и на том!»

И она пошла дальше давно забытой танцующей походкой, ощущая локтем край томика, лежащего в сумке, но даже не представляя, *что* уносит с собой.

Из воспоминаний Зои Колчинской

Прежде чем сесть, наконец, за стол и написать книгу моих *mémoires*, как это торжественно называет мой сын, который, собственно, и подвигнул меня к сему обременительному занятию, я попыталась понять, зачем это делаю. Сын говорит: просто ради самих воспоминаний, ради того, чтобы мои потомки (очень трогательно обнаружить такую заботу о будущих поколениях у четырнадцатилетнего мальчика!) знали, как жила их *l'aïeule*, прародительница (стало быть, я!) в то страшное время и среди тех страшных событий, которые потрясли мир и уничтожили великую Россию. Но я все отказывалась последовать его совету. И без меня найдется немало желающих запечатлеть «для потомства» свое восприятие ужасных дней и лет революции. Когда-нибудь это будет так же мало интересовать будущие поколения, как расцвет и распад Римской империи. То есть существуют, конечно, и, наверное, будут существовать какие-то историки, которые живут более во времена минувшие, чем в собственном настоящем, но кто читает их труды, кого они волнуют? А большинство народу норовит жить в рафинированной чистоте дня нынешнего, брезгливо сторонясь затхлой пыли веков... Тем более что от России уже мало что осталось, дела там идут все хуже и хуже. До меня долетают иногда слухи о том, что творится в этой несчастной стране. Ну что ж, наверное, есть особый смысл в том, что поджигатели сами теперь сгорают в разожженном ими мировом пожаре. Наверное, если бы их вождь Ленин остался жив, он тоже теперь ковырял бы корешки в тундре, как многие из его соратников и сподвижников, и был бы обвинен в шпионаже для всех разведок мира. Например, в пользу французской – ведь он немало лет провел во Франции, на рю Мари-Роз! Парадокс? Ну, Россия – страна парадоксов! Революция пожирает своих героев. А может быть, кровь жертв сжигает их, словно кровь кентавра Несса, которая сожгла Геракла? Это называется – дошли мольбы до Господа... Может быть, и голос моего отчаяния влился в тот хор, который взывал к небесам об отмщении злодеям?

Впрочем, сейчас, по прошествии более чем полутора десятков лет, минувших с тех пор, как я покинула Россию, многое уже подернулось пеплом. И когда по просьбе моего сына я начала этот пепел ворошить, я вдруг обнаружила, что тлеющие искры, замелькавшие перед моим внутренним взором, – это не люди, на моих глазах погибшие, не страшные случаи жестокости красных (да и жестокости белых!), которые меня когда-то потрясли и заставляли разуваться в божественном происхождении и высшем предназначении человека, не какие-то возвышенные мысли (да и вряд ли я способна мыслить столь уж возвышенно, ну кто я такая, не философ ведь, а самая обычная женщина, попавшая в необычные обстоятельства... но в те времена обычных обстоятельств просто не существовало, ведь время было *extraordinaire*, *surnaturel*⁵, как любят говорить французы) – словом, не что-то глобальное, а события, которые так или иначе трогали именно мою душу и сердце, ранили их или радовали. События мелкой, частной, личной женской жизни. То, что касалось именно меня, моих чувств, моих радостей и страданий.

Когда я попыталась рассказать моему сыну, о чем именно хочу написать, он сначала рассердился. Он непримирим и не столь склонен к христианскому всепрощению, как я. Это моя вина, конечно... Но, в конце концов, он пожал плечами и сказал: «Хорошо, пиши, о чем ты хочешь. Мои потомки должны знать и это. Ты всегда говоришь, что не существует людей, абсолютно плохих или абсолютно хороших, в каждом из нас много намешано и от Бога, и от дьявола. Я в это пока не верю, но, может статься, жизнь заставит поверить. Тогда я перечитаю твои *mémoires* и взгляну на все другими глазами. Сомневаюсь, что так будет, но... Кто знает?»

⁵ Чрезвычайным, сверхъестественным (франц.).

Вот после того, как я получила от четырнадцатилетнего мальчика такое мудрое благословение, я и села за письменный стол и положила перед собой стопу бумаги. Сейчас плохо верится, что я способна буду собрать воедино все те мысли и слова, которые начали беспорядочно мельтешить в моем сознании, выстроить по порядку все те образы и картины, которые заматались передо мной, как бы в сломанном волшебном фонаре. Но уж надо с чего-то начинать! С чего? Как водится в мемуарах, с далеких предков? Мне хотелось бы написать историю моей семьи, которая этого заслуживает, однако она принадлежала России, коей больше нет, и писать о ней – значит, вызвать в себе боль оттого, что я никогда не смогу прийти к дорогим мне могилам.

Кстати, последний раз я навещала кладбище, где упокоились мои близкие, в тот осенний вечер, когда из склепа семьи Муратовых уводила прятавшегося там от красных военного врача Льва Сокольского. И мне, конечно, было не до поклонения праху предков – мы с Львом в любую минуту сами могли сделаться прахом, если бы задержались хоть на одну лишнюю минуту. По счастью, ему тогда удалось уйти, он остался жив, мы даже встретились потом, но я больше никогда не была на том кладбище, и этот путь спасать людей, пряча их в склепах, был для нашей подпольной организации отрезан уже навсегда. Нас выдали, и почти все, кто имел отношение к той работе, погибли, а я по счастливой случайности угодила не под пулю, а всего лишь в тюрьму.

Разумеется, тогда я вовсе не считала это таким уж счастьем!

Ну, вообще-то про тюрьму есть смысл написать, ведь именно там я встретила Малгожату Потоцкую. История моей жизни не будет полна без рассказа о ней! Я должна объективно взглянуть на ту роль, которую она сыграла в моей судьбе. По большому счету, если бы не Малгожата, не было бы на свете моего сына, потому что я никогда не смогла бы выбраться из России. Она не раз спасала мне жизнь, в частности, именно она помогла бежать из тюрьмы. Вопрос, чем она тогда руководствовалась... Да, Малгожата – это та тень, которая неразрывно связана даже с самыми светлыми моими воспоминаниями. Но ведь свет и тень не могут существовать друг без друга! Поэтому я все же начну записки с моего знакомства с Малгожатой, а значит – с тюрьмы в городе Свийске.

Не могу сказать, чтобы я была таким уж большим знатоком мест заключения, однако даже на мой непросвещенный взгляд это была самая странная тюрьма на свете. Начну с того, что все заключенные – мужчины и женщины – содержались там в общих камерах, вперемешку. Конечно, врать не стану: спустя малое время после моего заключения, когда в моей жизни появилась Малгожата, мужчин от женщин отделили, однако первые дни мы соседствовали в одном помещении, видя друг в друге не лиц противоположного пола, а просто товарищей по несчастью. Честное слово, ни разу я не была свидетельницей каких-то непристойных поползновений на женскую честь со стороны мужчин, не наблюдала и кокетства женщин. Но и этот status quo сохранялся лишь до тех пор, пока не появилась Малгожата...

Итак, в той камере, куда привели меня после ареста и торопливого допроса, находились в заключении следующие лица. Какой-то полуживой от побоев гимназист не более чем пятнадцати лет, вступившийся за сестру, которую хотели изнасиловать два красных матроса (я это знала понаслышке, потому что гимназист не говорил ни слова, а только иногда тихо стонал и вскоре, на второй или третий день, так же тихо умер). «Буржуй», пытавшийся обменять на рынке часы на муку. Крестьянка, которая польстилась на эти часы и хотела поменять на них свою муку. Двадцатилетний студент, выдавший в Ростове красным профессора, провалившего его на экзамене. Профессора, вытолкнув пинками из аудитории, поставили возле стены университета и дали предателю револьвер. Он убил профессора, но со страху или от возбуждения несколько раз не попадал в цель, и случайная пуля зацепила какого-то видного большевика, проходившего мимо. С тех пор студента швыряли из одной тюрьмы в другую, из города в город, пытаясь понять, был ли он белый заговорщик или просто дурак и редкостный подлец. По мне,

так именно последнее немедленно приходило в голову всякого, кто его видел, однако красные пытались разобраться в его обстоятельствах с тупым усердием. В их с позволения сказать судопроизводстве невероятным образом соседствовали нескончаемая бюрократическая волокита со страстным желанием как можно скорее срубить как можно больше человеческих голов.

Сидело здесь также несколько воров и воровок, которые с сожалением поглядывали на небогатый скарб соседей по камере, однако руки к нему не протягивали – то ли из страха, что тихо задавят ночью за кражу, то ли из своеобразной этики не воровать у товарищей по несчастью. С утра до вечера они непрестанно бились в карты или пели ужасными голосами, всячески пытаясь разнообразить как свое, так и наше время.

Был в нашей камере рабочий, который никак не мог взять в толк, отчего он, «гремевший кандалами» при царе, продолжает греметь ими при большевиках. По моему убеждению, он был по духу своему возмутитель спокойствия, ему было все равно, какой режим «ниспровергать». Но если прежний режим всего лишь навешивал на него эти самые кандалы (периодически их снимая), новая власть, в конце концов, поставила его к стенке.

Была среди «сиделиц» ужасная, страшная, мрачного вида немолодая женщина, которая, прожив с мужем чуть ли не полвека, однажды, не вынеся его пьяных побоев, ударила его топором по голове, потом разрубила мертвое тело на части и разбросала по улицам. Ее боялись, ее сторонились все заключенные, и, как ни тесно было в камере, около нее на нарах всегда оставалось пустое пространство.

Находилась в заключении молоденькая девушка, которая сдавала комнаты в своем доме, доставшемся ей после смерти матери. Когда пришли красные, ее посадили за то, что среди ее прошлых жильцов были офицеры.

Сидел с нами молчаливый худой человек лет сорока с задумчивыми, словно бы внутрь себя обращенными глазами и совершенно седыми волосами. Сначала я думала, он какой-нибудь поэт, из тех «витий», которые, обмотав шеи красными шарфами, горлопанили на перекрестках, приветствуя пришествие советской власти, якобы она принесла им долгожданную свободу творчества. Однако потом выяснилось, что он ученый-историк, знаток древних наречий. Именно от него я впервые услышала об ожерелье... Впрочем, не стану забегать вперед.

Было в нашей камере несколько офицеров, которые по тем или иным причинам не смогли уйти из города, когда его взяли красные, и попали в плен. Мне показалось, будто одного из них я где-то уже видела, да и он поглядывал на меня с тем выражением, какое бывает у людей, встретивших случайного знакомого, но не умеющего вспомнить обстоятельства этого знакомства. В одну из ночей почти всех офицеров вывели, приказав выходить с вещами, и, должно быть, расстреляли во дворе или перевезли на пароход «Кузница», стоявший неподалеку от берега и превращенный красными в камеру пыток и казней. О «Кузнице» рассказывали такие страшные вещи, что некоторые предпочитали получить пулю в лоб при аресте, только бы не оказаться в числе «пассажиров» этого парохода. Итак, в ту ночь исчезли все офицеры... Правда, следы одного потом обнаружили, этого самого – моего неузнанного знакомого. Но об этом тоже речь впереди.

Сидела здесь сумасшедшая старуха, по виду настоящая Баба-яга, называвшая себя княгиней Покровской. Может статься, она таковой и была. Арестовали ее за навязчивую идею: заплатить миллион золотых рублей за убийство Ленина. Это предложение она делала чуть не каждому встречному и поперечному. Конечно, ее пристрелили бы на первом же перекрестке, однако кому-то из большевистских бонз ударило в голову выведать у нее, а существуют ли золотые рубли на самом деле, и если да, то где они хранятся. Поэтому княгиню не прикончили, а беспрестанно водили на допросы, на которых не били, не мучили, а, наоборот – вели с нею длинные разговоры и порой подкармливали. Иногда она даже в камеру кое-что приносила и делила еду строго между ослабевшими и больными. Тот же самый вопрос – существуют ли деньги на самом деле? – беспрестанно задавали ей сокамерники, однако она не говорила ни

да, ни нет и таким образом морочила голову тем и другим довольно долго, пока среди красных золотоискателей не отыскался какой-то нетерпеливый комиссар, который на допросе начал пугать ее «маузером», приставляя дуло к виску. От испуга у пожилой женщины случился разрыв сердца, и тайна золотого миллиона так и осталась нераскрытой.

Словом, можно сказать, что нас в камере было человек двадцать пять самого разного пошиба, всех слоев общества, и мы умудрялись уживаться друг с другом без драк и скандалов, без политических споров (оголтелую красную матросню все ненавидели равно – воры и офицеры). На допросы нас вызывали редко, например, меня так ни разу и не допрашивали после того, как задержали. Понимаю, у них не было никаких доказательств моей принадлежности к организации, кроме чьего-то, как я понимаю, доноса. Ведь и арестовали меня не на месте преступления, а когда я уже ушла с кладбища, уведа оттуда Сокольского. Я с самой первой минуты решила все отрицать и делать вид, будто ходила на кладбище навестить могилы отца, матери и младшей сестры. Поди докажи обратное! Хотя я все время именно того и боялась, что у них есть доказательства: устроят очную ставку с предателем и... Но все равно я решила все отрицать. Так вот, меня не трогали, и эта неизвестность, это напряжение длились несколько дней, так что я начала нервничать и бояться, что меня просто вызовут из камеры да поставят к стенке без всяких допросов. В конце концов, я почти потеряла сон. Да еще у нас там было очень душно, иногда ночами я спать не могла от одной только духоты. В такую бессонную ночь, когда мои соседи тяжело храпели, стонали, бранились или плакали во сне, я подползла к двери, легла там на полу, ловя хоть малую струйку воздуха, проникавшую в щель между дверью и порогом, и вдруг услышала шаги и голоса, означавшие, что в тюрьму привели новую жертву красных.

* * *

Алена собиралась сесть за книжку сразу, как придет домой. Однако сразу не получилось. Она начисто забыла, что сегодня Марина с мужем собирались в кино, а значит, Алене предстояло нянчиться с их дочкой Лизонькой.

Марина – добрая знакомая нашей героини. По приглашению Марины Алена приехала в Париж, в ее прелестной квартире на рю де Прованс остановилась, так же как останавливалась прошлым летом. Нынешним же летом Марина с дочкой посетили историческую родину и несколько дней пожили в Алениной квартире в Нижнем Новгороде перед тем, как уехать в Городец, к Марининым родственникам. Отношения у Алены с Мариной отличные, хотя и чуточку официальные. Марина намного младше Алены, поэтому обращается к ней на «вы». Алена вообще со всеми на «вы», даже с Игорем переходила на «ты» только в постели... Стоп, мы же договорились о нем больше не вспоминать! А с Лизочкой у нее отношения совершенно неофициальные: девочка убеждена, что Алена – ее собственность, кто-то вроде доброй тетушки (ладно хоть не бабушки!), а потому с удовольствием остается на ее попечении, когда маме с папой нужно куда-нибудь пойти. Так что они мирно попели караоке из русских мультиков (в принципе, Алена ненавидит караоке, но для детских песен делает исключение), потом Алена сделала котлеты, накормила ребенка, искупала и отнесла в кроватку.

– Качай, – прошептала Лизонька, положив голову на ее плечо. – Качели!

Это означало, что ее надо еще немножко поносить на руках по комнате и попеть про крылатые качели, которые летят, летят, летят...

– Давай другую! – взмолилась Алена. – Я тебе про качели уже раз двадцать сегодня спела!

– Давай другую, – согласилась Лизонька, перекладывая голову на другое Аленино плечо. – Кунека.

«Кунека» – стало быть, надо петь про кузнечика.

– В траве сидел кузнечик, – покорно завела Алена, делая такое гоу-гоу с ноги на ногу, – совсем как огуречик, зелененький он был, зелененький он был!

Закончив печальную песенную историю и укладывая Лизоньку, она спросила наконец:
– Ну что, спатеньки? Пока-пока?

– Пока-пока, – согласилась Лизонька и вдруг вскочила: – Поцеловать забыла!

Поцеловались, и, наконец-то, Алена закрыла за собой дверь детской, точно зная, что Лизонька уснула еще прежде, чем голова ее коснулась подушки. Щека еще была влажной от пылкого Лизонькиного поцелуя, и Алена, рассеянно улыбаясь, подумала о том, что дети – это, конечно, чудо... Особенно чужие дети, бурное общение с которыми приносит только радость и скоро заканчивается.

«Нет, я не создан для блаженства, ему чужда душа моя...» – уныло подумала Алена про себя. Она – одиночка, мизантропка и эгоистка... Хотя весь прошлый год, пока длился ее бурный, феерический роман с тем, о ком она дала зарок больше никогда, *никогда* не вспоминать, бродили, бродили-таки в ее голове мысли о том, что если бы каким-то чудом она, дама постбальзаковского возраста, детей никогда не имевшая и иметь их не слишком-то желавшая, вдруг, как принято выражаться, залетела... она ведь, пожалуй, родила бы, родила этого ребенка – себе на радость, на последнюю радость в жизни... А что, родился бы такой же черноокий, черноволосый, с такими же голубиными веками, насмешливыми губами, таким же белым лбом... родился бы такой же сердцеед-вегетарианец, как Игорь...

Алена вдруг захохотала и уронила персик. Оказывается, она уже стояла на кухне и слегка перекусывала. Смейся, паяц, над разбитой любовью... смейся и ешь!

Нет, после семи – ни-ни, никакой еды! А уже десятый час. Иди лучше возмись за книжку.

Она устроилась в гостиной в раритетном кресле (муж Марины, Морис, был помешан на антиквариате и, по мере своих доходов, помещательство свое культивировал, отчего Алене, когда она приезжала в их с Мариной квартиру, казалось, будто она живет в таком маленьком «ручном» музее), зажгла лампу рядом, включила «Radio «Nostalgie», которое обожала, и углубилась наконец в чтение.

И немедленно оказалось, что углубиться довольно затруднительно. Прежде всего потому, что в книге не хватало некоторых страниц, другие были оборваны, но самое главное – она была очень странно сброшюрована: вразброс. То и дело приходилось отрывать от чтения и искать продолжение эпизода, лихорадочно листая книгу. Алена, в конце концов, просто впала в иступление от этой бестолковщины и сочла, что чтение этой книжки похоже (а она, *entre nous*, то есть между нами, была особа сексуально озабоченная) на беспрестанно прерываемый половой акт с любимым человеком. Вот чего она всегда терпеть не могла, так это промедления в столь священном деле! Кроме того, она всегда отличалась решительным характером. Если бы это была ее собственная книга, Алена немедленно оторвала бы от нее переплет и разняла страницы, а потом сложила бы их так, как того требовала логика повествования. У нее просто руки чесались от желания немедленно дать выход своей решительности, и только сознание того, что после такой выходки двери Тургеневской библиотеки (святилища мудрости, а главное, сада, в котором она еще сорвет целый букет новых идей для новых романов!) закрылись бы для нее навсегда, остановило Алену.

Но что же делать? Что делать? Книжку-то сдавать уже завтра. И ее еще надо переписать...

Переписать? Господи, писательница несчастная! Все б ты писала да переписывала! Ты даже романы свои давно уже не черкаешь перышком и чернилами, а выстукиваешь на компьютере, так подойди конструктивно к решению проблемы. Надо переснять книгу на ксероксе! Тогда страницы можно будет сложить так, как следует. И ничего не придется переписывать!

– Марина, вы не знаете, где здесь можно найти ксерокс? – с утра пораньше спросила Алена.

– Да буквально в двух шагах, на Фобур-Монмартре. Знаете, около еврейской булочной «Zazou» есть магазинчик сувениров карнавальных принадлежностей? Ну, там всякие маски в витрине, забавненькие такие штучки-дрючки вроде... – Марина сморщила нос.

– Вроде шоколадок в виде сушеных какашек? – сморщила нос и Алена. – И дамских сигар в виде мужских... этих самых?

– Ну да, всякому по потребностям, – хихикнула Марина. – А вы бы что выбрали – шоколад или сигару?

– Да уж всяко не какашки! – серьезно сказала Алена. – А вы?

– И я! Ну вот, короче, в этом магазине продаются газеты, журналы, всякая писчебумажная продукция, а еще там стоит ксерокс. Страница А-4 стоит 15 евросантимов.

– Это сколько же будет? – начала прикидывать Алена, которая, как и все русские во Франции, уже изрядно поднаторела моментально пересчитывать евро на рубли, а рубли на евро. – Ого, примерно пять рублей! Дороговато! А с другой стороны, зарплаты тут у вас побольше, чем там у нас, так что выходит почти даром.

– Это точно, – согласилась Марина. – Кстати, там самообслуживание, в том магазинчике. Продавец вечно занят, так что вы просто приходите, просто кладете книжку в ксерокс и нажимаете кнопочку. Понятно? Вы когда пойдете?

– Да прямо сейчас, – пожала плечами Алена. – Я быстренько, а потом мы с Лизочком пойдем на карусель, как и собирались.

– Да, кстати! – сказала Марина. – Морис взял билеты на вечер в воскресенье, так что мы едем, не забудьте!

– Едете? Куда? – удивилась Алена.

– Я сказала – едем! – с нажимом повторила Марина. – *Мы* все вместе едем в Тур. Морис, я, Лизочек и вы. Сильви приглашала нас всех!

Алена схватила за голову. Память у нее, конечно, была отвратительная, из тех, о которых говорят, что она девичья. Алена была способна забыть обо всем на свете, она сплошь и рядом забывала даже имена персонажей своих детективов, поэтому часто случалось, что в начале романа какую-нибудь храбрую героиню звали, к примеру, Валентина, а в конце она уже превращалась в Антонину... Поэтому нет ничего удивительного в том, что она совершенно забыла о Туре!

Морис, муж Марины, родом из Тура. Там живут его матушка Сильви и вся, говоря по-русски, родня, а выражаясь по-французски – *toute la famille*, все семейство. И вот в понедельник 15 августа, на день Успения Богородицы (во Франции это выходной день), семейство собирается на какую-то свою ежегодную тусовку. Так у них принято, у родственников Мориса, – встречаться раз в год в чьем-нибудь загородном доме в окрестностях Тура. Все они богатые господа, и устроить фуршет для полусотни гостей – им просто делать нечего.

– Марина, да мне как-то неловко... Ну, у вас там все свои, а я...

– Не загружайтесь, Алена. Всегда кто-нибудь из этих своих привозит с собой и чужих – приятелей, друзей, гостей, которых неудобно оставить одних.

– Меня оставить удобно, – перебила Алена. – Более того – я останусь с удовольствием! Мы бы с Лизочком тут отлично провели время. Перевыполнили бы норму катания на каруселях, обтерли бы горки во всех скверах, поковырялись бы во всех песочницах, сходили бы в магазин, где кошечек и собачек продают, полюбовались бы на них...

– Не получится, – с сожалением вздохнула Марина. – Сильви очень соскучилась по Лизке – это раз, а во-вторых, многие из родни Мориса ее еще не видели, а ведь они все нас поздравляли, когда она родилась, подарки прислали... Невозможно ее не взять с собой, не показать. Не предъявить, так сказать.

– Марина, я запросто останусь и одна! Честное слово, просто авек плезир! – с жаром сказала Алена. – Погуляю по Парижу, схожу в Лувр...

– Интересно, чего вы еще не видели в Париже? – пожала плечами Марина. – В Лувре вы сколько раз были? Шесть? Или уже семь? Да некоторые французы, даже парижане, там столько раз не бывают! И вообще, у вас же еще почти две недели впереди. Всюду успеете. А в Тур – почему бы не съездить? Помните, как вы в прошлом году не хотели ехать с нами в Мулен, а как там классно было, да? Ну когда вы еще попадете в Тур, а? Не скажу, чтобы этот город мне так уж сильно нравился, но все-таки туда была сослана романтическая и опасная мадам де Шеврез... А у моей belle-mère Сильви прелестный домик, просто кукольный, в саду цветут чудные вьющиеся розы, вы будете жить в настоящей мансарде под черепичной крышей. Там окошки открываются прямо на крышу, представляете? Романтика! А самая главная романтика состоит в том, что на понедельник намечена не простая тусовка, не абы какой фуршет на природе, а бал-маскарад!

– Нет, серьезно?

– А что? Это сейчас очень модно. Одеваются кто во что горазд и отрываются по полной программе!

– Но у меня нет костюма, – робко сказала Алена.

– У меня тоже, – утешила Марина. – Да ладно, ерунда, возьмем что-нибудь напрокат. Вы кем предпочитаете быть? Принцессой? Турчанкой из гарема? Русалкой?

При упоминании турчанки из гарема Алена с трудом удержалась, чтобы не скривиться, как от оскомины. В Турции у Игоря было приключение, после которого он и... Нет, не вспоминать! Никаких Игорей и никаких турчанок! Тем более что переспал-то он на самом деле не с турчанкой, а с какой-то совершенно бесцветной русской девахой из кордебалета шоу, в котором выступал, с танцовкой, более похожей на карандаш, чем на особу женского пола. Но, видимо, надоели ему яркие женщины, захотелось чего-нибудь попроще. Ладно, его жизнь, каждый выбирает по себе... и все такое...

Нарядиться русалкой? Хорошая мысль. Когда-то давным-давно, когда Алена только начинала свою журналистскую карьеру (было, было такое в ее жизни!), судьба занесла нашу героиню в чудный город Хабаровск, где ей привелось встречать новый, 1988-й год. В ту пору она уже подружилась с двумя местными барышнями, журналистками Сашечкой и Машечкой (они и теперь оставались ее лучшими подругами, хоть и всего лишь по электронной переписке), и барышни эти надумали затеять домашний бал-маскарад. Машечка оделась гадалкой, Сашечка – кем-то еще, теперь уже и не вспомнить, а Алена вырядилась как раз русалкой. Состояло переодевание в том, что она надела серебристую люрексую Сашечкину кофточку, вокруг бедер повязала люрексый же серебристый платок Машечки и купила нарочно для этого случая серебристые босоножки на безумной шпильке. В волосы были вплетены серебряные елочные дождики (типа водяные струи), веки густо покрыты серебряными тенями, теми же тенями намазаны губы... Краси-иво! Правда, грима хватило ненадолго. Штука в том, что 88-й год был годом Дракона (точно, точно, это был именно год Алены, она ж мало того, что Дева, она еще и Дракон, а на Дальнем Востоке вообще особо чтят и почитают восточные гороскопы), и вот три девицы решили для начала явиться перед своими кавалерами (а как же без кавалеров-то, все было как у людей, причем они все трое были журналисты и вообще люди крайне интеллигентные) именно в образе покровителя года. Идея костюма принадлежала Алене. Сашечка где-то, у каких-то знакомых преподавателей ГО, то есть гражданской обороны, раздобыла три противогаза. Машечка позаимствовала у своей матушки роскошное китайское красно-синезолотистое покрывало, сплошь расписанное драконами. И вот три девицы напялили противогазы, завернулись в покрывало и такой тесно прижавшейся друг к дружке гурьбой двинулись в комнату, где их за накрытым столом уже поджидали кавалеры.

Очки противогазов немедленно жутко запотели, как стекла в автомобиле, за рулем которого сидит пьяный водитель. Девицы пьяны не были, однако для храбрости глотнули-таки водочки, что да, то да. Поэтому они вообще не видели, куда летит их Дракон, и то одна, то

другая на что-нибудь натыкалась и выходила из образа, то есть выскальзывала из-под скользкого шелкового покрывала. Дышать было совершенно нечем, и, наверное, у девиц немедленно началась эйфория от кислородной недостаточности, потому что они вдруг принялись хохотать до слез: задыхались, но хохотали. И вот в комнату, где стояла елка и был накрыт стол, вползло, ударяясь о косяки и сшибая все и вся на своем пути, шестиногое (на каблуках!!!) китайское покрывало о трех лысых прорезиненных головах... вползло и замерло, испуская странные, сдавленные стоны и лупая по сторонам мутными глазищами.

Кавалеры оторвались от талы – чтоб вы знали: так на Дальнем Востоке называется тонко-тонко наструганная мороженная рыба (как правило, используют щуку, но идеальная рыба для талы – чистейший, нежнейший сиг, который ловится только в Амуре) с солью, перцем и прозрачными колечками лука, и это лучшая в мире новогодняя закуска после первой рюмки водки, а также после второй и третьей... ну а потом, строго говоря, становится уже все равно, чем закусывать – талой, винегретом, красной икрой, пельменями или тортом «Наполеон», – оторвались, значит, кавалеры от талы и с изумлением воззрились на это явление.

– Во набрались девчонки, – констатировал интеллигентный Юра, Машечкин супруг, и снова уткнулся в талу.

Его примеру молча последовали другие кавалеры, к слову сказать, тезки – Сашечкин Вова и Вова Аленин. И более никакого комплимента Дракон не удостоился. Впрочем, маскарад затевался подругами не корысти ради, а исключительно для собственного удовольствия. И составные части Дракона его получили. Правда, когда, вволю нахохотавшись, они сдернули противогазы и приготовились приступить к тале, выяснилось, что все три прелестных личика вспотели так, что косметика потекла и размазалась. Пришлось идти умываться, срочно обновлять макияж, а тем временем тала растаяла и стала просто сырой и не слишком-то вкусной рыбой.

А впрочем, бог с ними, с драконами, кавалерами и рыбами. Главное, что Алена пришла в восторг от идеи снова вырядиться русалкой и готова была ехать для этого даже в Тур. Да и вообще, всякому разумному человеку понятно, что манежилась она просто для приличия. Это же безумно интересно – увидеть французскую *famille* не со стороны, а как бы изнутри! И потом описать ее в каком-нибудь романчике! В жизни Алены Дмитриевой вообще все события подразделялись на те, о которых можно написать в романчике, и на те, о которых писать не стоит – по ряду причин...

– Вы когда пойдете в тот магазин, где ксерокс, – напутствовала Марина, – посмотрите, какие костюмы там есть. А если ничего не понравится, мы тут еще в одно местечко сбегает.

– А вы кем хотите нарядиться, Марина?

– Может, какой-нибудь русской боярышней? У меня для этого костюма все дома есть: и кокошник, и сарафан, и серьги, и ожерелья. Так что смотрите только для себя. Хорошо?

– Хорошо, – сказала Алена, сунула в пакет свой библиотечный раритет и отправилась в магазин.

Стоя на перекрестке Фобур-Монмартр и рю де Прованс в ожидании, пока пройдет поток машин, она покосилась направо, на дом номер 34, и неприметно вздохнула. Там, как и в прошлом году, около подъезда была прикреплена табличка: «Nikita A. Che– rchneff. Avocat». С человеком, чье имя было указано на этой табличке, у Алены едва не завязался очень опасный роман. Опасный не потому, что ее сердце могло быть Никитой разбито: нет, это сердце в то время уже совершенно заповолонил Игорь, и Никите Шершневу просто некуда было втиснуться, – опасный в том смысле, что Шершневу было, строго говоря, никакой не адвокат, вернее, не столько адвокат, сколько наемный убийца – киллер, говоря по-русски, или киллер, говоря по-французски. Как-то раз Алена вошла не в свое дело и помешала этому киллеру убить собрата по профессии по имени Дени Морт, по прозвищу Фримюс. Помешала только потому, что Фримюс оказался безумно похожим на одного человека, имени которого (на *И* начинается,

на «ь» заканчивается) она больше не хочет, не хочет, не хочет – и не будет вспоминать! Разборка с двумя киллерами происходила в той самой бургундской деревушке Мулен, о которой недавно упомянула Марина. О том, как сложились судьбы персонажей того поворота ее жизненного сюжета⁶, Алена больше ничего не знала. Но присутствие таблички на своем обычном месте означало, что Никита Шершнев пока что жив и здоров и, судя по всему, продолжает вершить свое черное дело. Ну что ж, если на его вторую (а может, и первую) профессию наплевать французскому правосудию, то почему она должна волновать Алену? Живет Шекспир – и пусть живет, как выразился один приятель Иго... Стоп! Короче, как выразился чей-то там приятель.

Наконец дорога освободилась, и Алена перебежала к магазину сувениров. По пути заглянула в витрину еврейской булочной «Zazou», полюбовалась на великое множество незнакомых сладостей, подивилась, что к концу дня все это бывает распродано (значит, кто-то все же эти штучки покупает и съедает!), в очередной раз напомнила себе, что перманентно худеющей даме-шейпингистке не то что пробовать – даже смотреть на подобное искушение строго запрещено, и вошла в магазин сувениров.

Марина не зря предупреждала: парень у прилавка и впрямь зашивался: Фигаро здесь, Фигаро там. Но ксерокс был свободен. Алена подошла, потопталась около громоздкого сооружения, немножко подумала, соображая, где что открывать, куда класть книгу, на что и когда нажимать – наша героиня, личность творческая, была, конечно, технически вопиюще безграмотна, но далеко не тупа, – и вот уже на лотке начали накапливаться отксеренные листы.

Агрегат был просто зверь, дело свое знал, Алена только успевала страницы в книжке переворачивать да на кнопку нажимать: триста страничек ксерокс отработал минут за пятнадцать! Однако и это кому-то показалось долго: вокруг с нетерпеливым видом начал похаживать какой-то козлобородый мсье лет сорока – очень тощий, лысоватый, с водянистыми глазами и тонкогубым ртом. Впрочем, одет он был вполне стильно: узкие джинсы, самую чуточку растянутые на интересном месте (фишка номер один в Париже этим летом!), экстравагантный текстильный ремень, пряжка которого спереди выставлена (фишка номер два!) из-под облегающего клетчатого пуловера, туфли с загнутыми носами, модные очки в черной оправе... Да и на Алену, надо сказать, он поглядывал вполне, вполне задорно. Особенно ее бриджи защитного цвета этому мсье понравились, хотя ничего особенного в них не было – бриджи как бриджи, купленные, к слову, здесь же, в Париже, в любимом Аленином магазине «Burton» еще прошлым летом.

Наконец Алена закончила работу, собрала листочки в стопочку и отправилась рассчитываться с продавцом.

– Триста страниц, – сказала она. – Сорок пять евро.

Он посмотрел подозрительно, вынул из-за уха (честное слово, Алена сама видела!) карандаш и споро, с невероятной скоростью, пронумеровал все копии.

– Шестьсот страниц! – сообщил с торжеством. – Девяносто евро!

Алена похлопала глазами, дивясь несусветной сумме. Потом усмехнулась и, глядя прямо в наглые глаза толстого араба (на Фробур-Монмартре все лавочки и магазины принадлежат если не арабам, так евреям или китайцам, причем все три нации уживаются вполне мирно), спокойно проговорила:

– А что, я каждую страницу книги снимала на отдельный листок? По-моему, вы должны брать деньги только за разворот!

Хитрый какой! Поставил нумерацию и справа, и слева на развороте, вот и получилось в два раза больше!

Араб и глазом не моргнул: только вздохнул с явным сожалением (не удалось обжулить, ушлая клиентка попалась!) и сообщил снисходительно:

⁶ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом».

– Ладно, тогда триста страниц и сорок пять евро.

«Ладно!» Ишь ты, «ладно», главное!

Алена возмущенно фыркнула, протянула ему бумажку в пятьдесят евро, получила сдачу, сложила свое имущество в сумку и пошла, чувствуя всеми своими бриджами взгляд козлобородого мсье, но не оборачиваясь и даже бровью в его сторону не ведя. Пошла, вся такая гордая, недоступная победительница наглых продавцов...

– Мадемуазель! – послышался несколько дребезжащий, тоже, как и борода, напоминающий козлиный голос. – Вы забыли книгу!

Алена мигом обернулась, подбежала к ксероксу и схватила свою главную драгоценность сегодняшнего дня. И улыбнулась козлобородому самой своей обольстительной улыбкой. Он того стоил, ей-богу! Во-первых, не дал совершить трагическую ошибку и утратить библиотечную книгу (дамы с рю де Валанс вкупе с мадам де Флао, конечно, линчевали бы писательницу Дмитриеву, в этом не может быть сомнений!), а во-вторых, всякий, кто называл нашу героиню (особу, повторимся, постбальзаковского возраста) девушкой (*mademoiselle* по-французски не что иное, как «девушка»), имел право на ее расположение.

– Спасибо, мсье, большое спасибо! Я такая *souillon*, то есть нет, не неряха... как это... – начала заикаться Алена. Она хотела сказать «растяпа», но забыла слово.

– Вы имеете в виду – *maladroit*? – с улыбкой подсказал любезный козлобородый мсье, оказавшийся к тому же очень догадливым. – Вы не француженка? Должно быть, полька?

– Почему полька? – удивилась Алена.

– Считается аксиомой, что польские женщины самые красивые, – улыбнулся мужчина. У него были отличные зубы, очень милая улыбка, и вообще при ближайшем рассмотрении он оказался ничего еще, этакий обаяшка с сильным налетом интеллектуальности. – Французы усвоили это еще во времена Первой империи.⁷

– Жаль вас разочаровывать, – усмехнулась Алена. – Я русская.

– А! О! – глубокомысленно произнес интеллектуальный обаяшка. – Видимо, эта аксиома имеет отношение ко всем славянкам.

Честное слово, с каждой минутой мсье нравился нашей героине все больше. Она бы не возражала получить от него еще парочку доказательств такой милой аксиомы (все-таки ничто так не лечит сердечные раны, нанесенные одним мужчиной, как комплименты, полученные от другого, пусть даже и похожего слегка на козла), однако он перевел взгляд с ее груди на прижатую к ней книгу и сказал:

– Да у вас настоящая древность! Судя по цвету бумаги, начало прошлого века?

– Двадцатые годы, мне кажется, – уточнила Алена. – Определенно сказать не могу – нет титульного листа.

– Это, наверное, мемуары?

– Совершенно верно.

– Литература такого рода всегда в цене, – задумчиво сказал козлобородый. – Даже на русском языке. В Париже ведь много русских... А вы не желаете продать вашу книгу?

– Как так – продать? – растерялась Алена. – Зачем? Кому? Вам?

– Не мне, – покачал он головой. – Хотя я и занимаюсь антиквариатом и даже имею магазин вон там, на рю Прованс, угол рю Лепелетье, но я специализируюсь на старинных картинах, а также гравюрах и рисунках. Однако у меня есть приятель, магазин которого называется «*Les antiquités orientales*» – «Восточные древности», ну, и он довольно часто выставляет там антикварные книги.

– Я не совсем понимаю, почему Россия вдруг сделалась таким уж востоком, – сухо заметила Алена. – В смысле географическом? Или для французов она до сих пор дикая Азия?

⁷ Так называется время правления Наполеона Бонапарта, одной из любовниц которого была полька Мария Валевска.

– Ради бога, извините, – пробормотал козлобородый. – Я вовсе не хотел задеть ваши патриотические чувства. Это просто ужасно, до чего обидчивы русские и вообще славяне! Я знал одну обидчивую даму... она была полька...

– И красавица? – не удержалась от реплики Алена.

– Все еще да, хотя ей уже... м-м... хотя ее первая молодость уже далеко позади, скажем так, – изысканно выразился козлобородый, но у нашей героини, первая молодость которой тоже была уже позади, немедленно испортилось настроение. Она ненавидела выражение «первая молодость», потому что оно напоминало ей о знаменитой булгаковской осетрине, которая была второй свежести, а не первой, единственной. Может быть, тут сыграло роль уязвленное самолюбие: ведь некто, разбивший ей сердце, был молодости именно первой, сияющей и сверкающей, а может быть, из-за избыточной мнительности, которой начинают страдать все без исключения красавицы, перешагнувшие определенный возрастной рубеж. Так или иначе, Алена мигом увяла, перестала улыбаться и играть глазами, слушать продолжение про обидчивую польку не пожелала, а просто сообщила, что книжку продавать не собирается, поскольку она библиотечная, извинилась, мол, очень спешит, и, бросив козлобородому торопливое: «Au revoir!» – выскочила из магазина, начисто забыв, что собиралась посмотреть также карнавальные костюмы и маски.

«Да ладно, потом!» – подумала она, уже входя в подъезд Маринино дома, но немедленно забыла о маскарадной экипировке опять... И, как выяснится впоследствии, правильно сделала, потому что никакой карнавальный костюм ей не понадобится. Так уж было предопределено!

Еще она забыла проверить, все ли листочки пересняла, и вспомнила об этом только дома. Нет, слава богу, ничего не пропустила, ни одного разворота, правда, один из них оказался перекрыт закладкой, а Алена этого не заметила, поэтому посреди текста образовался белый прямоугольник с сердечком в центре и столбиком цифр, в оригинале бледно-лиловыми, а теперь ставших черными и очень четкими. В центр сердечка попало слово «бросил».

Смешно! Кто кого? Некий *И.* некую *А.*? Ну уж нет, это она его бросила, она, она, она! Алена открыла книгу и нашла эту страницу. Оказалось, что какой-то врач новочеркасского госпиталя не просто бросил своих раненых без присмотра, но и выдал их на растерзание красным. Алена от руки восстановила текст в своей копии, а потом настало время идти гулять с Лизочкой.

Из воспоминаний Зои Колчинской

Времени было три часа ночи – я как раз незадолго до этого слышала, как били часы на старой башне... Она стояла над Свией, но удары колокола разносились в ночной тиши через весь город, даже до тюрьмы достигали, хотя услышать их можно было только таким настороженным слухом, какой был у меня тогда. И вот лишь только стих последний глухой удар, как я услышала эти шаги, возню в коридоре, и также женский плач, жалобный такой плач, ну просто детский. Вот, подумала, уже и детей начали хватать!

Шаги остановились у нашей двери. Я едва успела откатиться от порога и вскочить на свои нары, вернее, на их краешек (спала я рядом с одной из воровок, с самого краю нар), как загремел засов, дверь открылась, из коридора легла полоса света. Надо сказать, что одним из немногих электрифицированных зданий в Свийске была именно тюрьма, и первое, что сделали большевики, взяв город, это восстановили работу электростанции, поэтому и днем, и ночью в коридорах тюрьмы горел свет, а в камерах его, слава богу, на ночь выключали, может быть, сэкономили мазут или солярку, или на чем там работал электрический движок! Так вот в полосе света я увидела две фигуры охранников, которые, зажимая под мышками винтовки, волокли в камеру какую-то женщину. Она молчала, лишь, изредка громко всхлипывая, билась между ними, пытаясь вырваться, а они, тоже молча, силились ее удержать и перетащить через порог. Какое-то время длилась эта борьба, потом, конечно, охранники заставили пленницу перешагнуть порог, толкнули, захлопнули дверь, заложили ее засовом и ушли. И все это – не проронив ни слова. Но за те мгновения, пока женщина еще билась на пороге и была освещена, я успела увидеть ее – и до глубины души поразила странности ее облика!

Она была босиком и одета в смятый розовый шелковый пеньюар. Волосы, которые сначала показались мне черными, были распущены. Поверх пеньюара напялена крестьянская безрукавка овчиной внутрь, крытая черным сатином. Поскольку я потом несколько дней носила эту безрукавку, я ее очень хорошо запомнила. Так же, как запах странных духов, которые источала овчина... На самом деле овчины всегда пахнут кисло и довольно противно, а эта хранила запах духов, которыми ее некогда полили, вдобавок очень щедро. Вид, словом, у новой постоялицы нашей камеры был более чем странный!

Но вот ее втолкнули в дверь, прогремели засовы, воцарились темнота и тишина.

Какие-то мгновения я ничего не видела и не слышала. Женщина стояла, тоже ничего не видя со свету, очень тихо, почти не дыша. Потом из ее горла вырвался всхлип, затем еще один, еще... и она заплакала, да так жалобно и горько, что если бы я не видела только что ее зрелой, стройной и статной фигуры, я могла бы сказать, что плачет ребенок. Чувствовалось, что бурные рыдания рвались наружу из ее груди, но она сдерживалась, словно была брошена в клетку к неведомому спящему чудовищу и боялась разбудить и обозлить его своими стенаниями.

Тем временем глаза мои привыкли к темноте. Вдобавок на улице сбоку от нашего окна стоял фонарь, который освещал тюремный двор и давал какое-то количество света в камеру. Обычно этот свет мешал мне спать, но сейчас я радовалась ему, потому что он освещал странную женщину и позволял видеть то, что она делает.

Хотя, честно говоря, ничего такого особенного она не делала: просто стояла, всхлипывала и вглядывалась в темноту, пытаясь понять, куда попала.

Наша камера продолжала спать тяжелым, крепким, каменным сном. Одна я бодрствовала, но лежала тихо, почему-то даже задерживала дыхание.

Тем временем женщина сделала несколько осторожных шагов по камере. Легкий шелест сопровождал каждое ее движение – это шелестел дорогой шелк пеньюара. Я невольно улыбнулась – давным-давно не слышала таких мирных, таких *женских* звуков! Новая обитательница нашего узилища тихонько продвигалась между нар, и я поняла, что она выискивает место, где

можно прилечь. Но камера была переполнена, и мы спали на нарах по двое. Единственное, повторяю, свободное место было рядом с убийцей тирана-мужа. Другие женщины как-то все разбились по парам, ей пары среди нашей сестры не нашлось, ну а мужчины до смерти ее боялись, оттого предпочитали тесниться по трое, только бы не оказаться вместе с ней. Вдобавок от нее шел какой-то невыносимый, почти звериный дух, и даже в том спертom воздухе, который царил в месте нашего заточения, он был отвратителен. И вот я увидела, как новая обитательница камеры в поисках свободного места направляется прямо к этим нарам!

И тут меня что-то словно бы толкнуло.

– Погодите, – шепотом сказала я, – не ходите туда, ложитесь вот здесь.

И встала с нар.

Как подумаю, что вся моя жизнь сложилась бы иначе, если бы я промолчала тогда... Может быть, я была бы уже мертва, а может быть, жива, но не испытала бы столько горя... счастья... Не знаю! Это была бы уже другая жизнь, и что толку думать о ней, какой смысл гадать.

Даже сама не пойму, что заставило меня заговорить. Жалость, наверное, что эта бедная женщина, и так страдавшаяся (весь ее растерзанный, странный облик говорил о перенесенных страданиях), принуждена будет провести ночь бок о бок со звероподобной убийцей, а утром увидит рядом с собой ее тупую, жуткую образину. Жалость, да... Я вспомнила, как сама попала сюда, как мне было тяжело, как никто не обращал на меня внимания и не сделал даже попытки помочь прижиться на новом месте.

Словом, я встала с нар и показала ей, чтобы она ложилась на мое жалкое ложе.

– А где же ты станешь спать? – пробормотала она чуть слышно.

В голосе ее чувствовался легкий акцент. Так могла говорить по-русски иностранка, но я не могла понять, какой это акцент.

– Ничего, – прошептала я в ответ. – Я лягу на полу, там дышать легче. Я люблю спать на полу.

И я снова бросила на пол свой пыльник, который заменял мне матрас и одеяло.

Глядя, как я устраиваюсь, женщина стащила свою безрукавку, легла на нары и накрылась ею. Потом чуть приподнялась на локте и шепнула мне:

– Дзенкуе бардзо!

Так она полька... Я мигom вспомнила, как еще девочкой гостила в имении у моих дальних-предальных родственников с материнской стороны, поляков. Не кровных родственников, а свойственников. Вспомнила те несколько польских слов, которые врезались мне в память, и прошептала в ответ:

– Не ма за цо!

Это означает – «не за что».

Ох, как она встрепелась! Даже на нарах подскочила!

– Чи пани польска? Чи пани муво по-польску?!

– Нет, – ответила я чистую правду, – я не полька, и я понимаю по-польски только несколько слов.

Она тяжело-тяжело вздохнула:

– Бардзо шкода!

– Бардзо шкода, – повторила я, потому что мне и в самом деле было очень жаль, что я не знаю ее языка. Мне было жаль эту залетную шелковистую птишку, хотелось хоть чем-то ее утешить...

Она уронила голову на локоть, который ей, как и всем нам в камере, был вместо подушки.

Я видела, как блестят ее глаза в темноте, и вдруг шепнула:

– Меня зовут Зоя Колчинская. А вас?

Почему-то я думала, что она отмолчится, однако она ответила так охотно, словно только и ждала моего вопроса:

– Малгожата Потоцкая. Маргарита по-вашему.

– За что вы здесь? Почему вы так одеты?

– Так с постели ж взяли, пся крев! – вздохнула она. – Пришли о пулноцы, вынули из постели. А за что... Вот уж верно: не ма за цо! За то, что душой была доверчивой.

– Кто вы? Ваш муж офицер?

– Так не! – хмыкнула она. – Я незамужняя, я акторка. Ехала сюда из Петербурга с кавалером, да беда – убили его в пути какие-то бандиты, не то красные, не то зеленые, але даже и синие, один Езус ведает. Меня военные подобрали, привезли сюда. Ходили ко мне, давали деньги да продукты. А как подступили коммуняки, прибег до мене едэн пулковник – он давно уже за мной ухаживал, да я на него не глядела! – и говорит: у меня драгоценности покойной жены есть, все тебе отдам, только поезжай со мной! Я согласилась, а что делать: хоть не мил он мне, да шибко не хотела у тех красных лайдаков, бездельников, оставаться. Ну, он мне отдал узелок с камнями да еще дал злот перыценэк. Приеду, говорит, через час, вещи собери. А какие у меня вещи? От всего гардероба каких-то дзесенць платьев и осталось. Ну, увязала их, сижу, жду... Да так и не дождалась никого! Лучше б одна ушла. День – не пришел, два – не пришел. Неужели убили моего пулковника, думаю? Платья снова в шкаф повесила, надо жить дальше. Думаю, когда край придет, стану камни по одному продавать, как–нибудь продержусь. А коли объявится пулковник, верну ему, что останется, да повинюсь. Эти дни, что красные вошли в город, я тихо жила, носа никуда не высывала, уже думала: минует меня чаша сия, а нынче в ноцы грохот: «Отворяй, бела кость!» Я открыла – ворвались эти пшеклентные, проклятые: «Где камни шляхэтны, где казна полковая?» Я им: «Не розумем панов!» А они хлесть по щекам: «Не розумем?! Сейчас уразумеешь!» Открывают дверь и входит... мой пулковник!

– Жив? – ахнула я изумленно.

– А как же! – прошипела Малгожата. – И говорит: «Ну да, это та самая женщина, у которой оставлена была наша полковая казна для поддержки подпольных контрреволюционных организаций». Я чуть без памяти не грянулась: какая казна? Казна – то деньги, а он мне дал всего лишь горстку камней. Дамское счастье! А он так и сыплет словами, так и сыплет: она-де должна явки организовать, документы фальшивые покупать... Нет денег, ничего? Значит, уже в ход пошло, значит, уже действует белое подполье! О, говорят краснопузые лайдаки, это птица высокого полета, а раз так, надобно ее в тюрьму отвести, там допросят и разберутся. Стащили меня с постели в чем была, босую потащили, я только и успела, что в сенях с гвоздя старую камизэльку сдернуть. Ну и вот...

Она вздохнула.

Слова «камизэлька» я не знала, но нетрудно было догадаться, что это безрукавка польски.

– А вы, пани Зоя, за какие грехи здесь? – прошептала Малгожата и вдруг сладко зевнула.

– Спите сейчас, у нас еще будет время поговорить, – сказала я. И сама ужаснулась своим словам. Получается, я предрекла ей долгое заточение! Мне надо было утешить ее, убедить, что в обстоятельствах ее дела разберутся, что обвинение ее вздорно, что это провокация чистой воды... Совершенно непонятно, за что так поступил с ней этот «пулковник». Неужели месть за то, что она его некогда отвергла? Тогда он подлец, вот и все. Но зачем он оставлял ей драгоценности? Вдруг бы она сбежала с ними... Хотя откуда Малгожата знала, может быть, в том узелке лежали какие-то подделки, а настоящие камни? Темная история. Несправедливая! Хотя... кто из нас мог ждать от красных справедливости?

Малгожата молчала, я тоже. Я думала, она уже спит, как вдруг она слабо выдохнула:

– Добраноц!

– Добраноц, – пожелала и я. – Доброй ночи.

Больше я ничем не могла облегчить ее участь, только надеждой, что первая ночь ее заточения будет доброй!

Дыхание Малгожаты моментально стало ровным, тихим – она уснула, словно рухнула в сон. А через мгновение и я, которая давным-давно уже отвыкла спать спокойно, тоже уснула.

* * *

Таких каруселей в Париже довольно много: кругленькие, нарядные, в стиле не то барокко, не то рококо, с сентиментальными каретами в виде морских раковин и множеством разномастных лошадей. Но у каждой карусели своя особенность. Например, у той, что в парке Аллей, в числе ездовых животных имеются не только лошади, но также мулы, коровы и даже хрюшки. Причем коровы периодически мычат, а поросята хрюкают. Движение сопровождается народными детскими песенками, совершенно прелестными, – про лодочку, которая качается на речных волнах, про маленьких рыбок, которые плавают совсем как большие, про день, который уходит в тишине, как по бархату, – и все такое в том же роде. Карусель в Тюильри, как ни странно, самая простая из всех. Вид у нее довольно блеклый, мелодии играют какие-то незамысловатые, в одно ухо влетающие, в другое вылетающие, зато здесь можно покататься на слонах – само собой деревянных, а не настоящих. С другой стороны, лошади, мулы, коровы и поросята ведь тоже неживые, слава богу... На карусели около знаменитой городской ратуши Алена с Лизочкой не катались ни разу: как-то ноги до нее не доводили. Любимой их каруселью была та, что на Монмартре, у подножия холма Сакре-Кер, на котором возвышается знаменитый, немыслимо, фантастически красивый храм Священного Сердца – место восторженного паломничества туристов, место, куда настоящие парижане не ходят практически никогда... ну вот разве что надо ребенка на карусели покатать.

Почему-то в Париже вот уже почти сотню лет считается хорошим тоном при упоминании этого храма скептически пожимать плечами. Алена парижанкой не была, поэтому Сакре-Кер считала шедевром архитектуры, а двухъярусную карусель обожала за ее совершенную красоту, за то, что здесь была красная лошадка под удобным седлом, и сажать на него Лизочку можно было совершенно без опаски. А главное, за то, что здесь целый день без остановки игрались лучшие в мире мелодии – мелодии аргентинского танго, причем большей частью подлинные, начала минувшего века, когда это танго только родилось и еще не было испорчено чеканной, несколько милитаризованной ритмикой, из которой позднее вылупилось танго классическое... (впрочем, комплименты этому виду танца мы уже отпускали, поэтому не станем повторяться). Звучал здесь, конечно, и несравненный Пьяццолла с его бандонеоном, куда ж без него, и настроение у всех, кто садился на эту карусель и начинал кружиться в ритме старого танго (очень напоминающего вальс, даже если это была «La Cumparsita»), мгновенно делалось самое благостное и романтическое. Лица всех без исключения – и детей, и взрослых, катающихся и просто наблюдающих со стороны, – расплывались в улыбках, и Алена точно знала, что сейчас на ее губах играет точно такая же мечтательная улыбка, как на всех прочих лицах.

Наученная прошлогодним опытом общения с Лизочкой, она сразу покупала целую пачку билетов. Во-первых, так выходило дешевле, чем платить за каждое отдельное катание (оно стоило два евро, а оптом за тринадцать билетов следовало выложить всего десять), во-вторых, Лизочка никогда не ограничивалась меньше чем пятью кругами и уходила с карусели только после слезных молений Алены, у которой уже начинала мутиться голова и желудок подкатывал к горлу. У Лизочки голова не кружилась никогда, с вестибулярным аппаратом у нее все было как надо, и это означало, что и в вальсе она в свое время сможет кружиться без усталости... Алена такими талантами, увы, не отличалась!

Ну вот, значит, они катались, катались, катались... Под балюстрадой лестницы, ведущей к Сакре-Кер, стояли скамейки, и лица сидящих на них уже успели примелькаться Алене.

Вот две неряшливые, толстые, громко ржущие молодые американки, выкрики которых перекрывают сладкие звуки «Sentimiento gaucho». Жуткая это все – таки вещь – американский язык! Раньше Алена считала, что самый грубый язык – немецкий. Но это было до того, как она услышала в Париже настоящую американскую речь, которая здесь режет слух на всех улах.

Рядом с американками два томных, пухленьких латиноса пожирают друг друга страстными взорами и что-то шепчут на ушко, иногда принимаясь заливисто хохотать и гладить соседа по щекам и коленкам. Тоже распространенное явление в Париже, увы.

Молодой красивый араб задумчиво вертит в руках зонтик. И кому нужен зонтик в такую погоду, как сегодня, тем паче что она, по прогнозам синоптиков, продлится до конца августа? Кстати, так, вероятно, и будет, потому что парижские синоптики никогда не врут!

Толстенная и чернющая нянька-негрityня с двойной коляской, в которой спят две беленькие хорошенькие девчушки (судя по розовым одежкам), бдительно смотрит на их ангелоподобного братца лет шести, который меняет одну карусельную лошадь за другой.

Благостная еврейская семья – он с животиком, в пейсах и ермолке; она очень красивая, но устрашающе толстая, и дети уродились в маменьку.

Элегантная дурнушка (значит, явно француженка) смотрит на круговерченье лошадок, но видит что-то свое, что-то далекое отсюда, что-то вовсе не веселое...

Кружится карусель, кружится плакучая береза с причудливой кроной, которая здесь, около Сакре-Кер, смотрится как некое странное, экзотическое растение, что-то вроде вот этого дивного дерева с тонкой ажурной листвой и разноцветными хохолками цветов. Чудится, будто стая тропических птиц присела на него отдохнуть – да так и осталась, зачарованная музыкой старого танго. Теперь звучит «El Choclo». Пронзает сердце музыка, летит карусель, кружатся скамейки...

На одной из них лежит какой-то длинноногий человек в вылинявших до белизны джинсах и черных носках. Вот все, что видно из-под синего тонкого одеяла с бахромой, которым он укрылся с головой. Расшнурованные кроссовки стоят под скамейкой. Наверное, это какой-нибудь клошар образца нынешнего года, парижский бомж, который спит и ест где придет охота. Правда, на жесткой скамейке спать не слишком-то удобно. С каждым новым кругом карусели я вижу, как клошар меняет позу: лежит, то свернувшись калачиком, то на спине, согнув ноги, то вытянувшись по стойке «смирно», так высоко натянув свой плед, что открывается его впалый смуглый живот с волосатой дорожкой, убегающей в по-модному полурасстегнутые джинсы. Ну что ж, наверное, среди клошаров тоже бывают красивые и сексапильные... А впрочем, с чего Алена взяла, что он красивый? Может, там и посмотреть-то не на что!

На соседней лавочке дремлет джентльмен в черных джинсах, белом пиджаке и таком же черном фетровом «стетсоне», как у карусельщика. Он опустил голову так, что поля шляпы прикрывают лицо, и, похоже, тоже дремлет, не обращая внимания ни на что на свете, даже на то, что рядом с ним тощий длинноволосый юнец неотрывно целуется с изящной, хорошенькой, похожей на куколку, негрityнкой. Карусель пробегает мимо снова и снова, а они все целуются да целуются. И как только дыхания хватает? Или они переводят дух, когда Алена их не видит?

Еще одна молодая пара: он похож на кавказца, правда, весьма цивилизованного, даже где-то утонченного, а может, и на турка (Алена плохо разбиралась в восточных тонкостях, ну, конечно, негра от белого могла отличить без ошибки). Он, значит, человек восточный, она – белесая, на редкость бесцветная, плохо одетая, сияет бессмысленной улыбкой, однако глаза похожи на осколки стекла – так и царапают все, на что смотрят... Алене кажется, что царапают они именно ее.

Из-за этой пары Алене сегодня никак не удавалось испытать хоть каплю удовольствия от катания и созерцания белых куполов Сакре-Кер. Едва они с Лизочкой подошли к карусели, как рядом вдруг возникли эти двое.

– Здравствуйте, – картавя, сказал молодой человек. – Вы русская?

Он тоже говорил по-русски, только с акцентом. Догадливость его объяснялась просто: Алена с Лизочкой только что громогласно обсуждали, что будут делать после катания на карусели: кататься с горки или есть мороженое? Лизочка требовала того и другого сразу, Алена думала, как бы от того и другого ускользнуть и сразу пойти домой: Марина наказала не опаздывать к обеду и аппетит ребенку не портить.

– Да, – ответила она. – А вы?

– Меня зовут Руслан. Я тоже из России, – ответил он с лучезарной улыбкой и еще более сильным акцентом. – А Селин, – указал он на свою блеклую подругу, – она париз... то есть парижанка.

Наверное, Алене тоже следовало назвать себя, однако это ей как-то и в голову не пришло. Она просто кивнула – мол, очень приятно, и что дальше?

– Вам нравится Париж? – завел парень светскую беседу.

– Неня, – нетерпеливо сказала Лизочка, – пойдем на кисель!

– Извините, – сверкнул молодой человек улыбкой. – Мы не будем вас задерживать. Мне просто хочется дать вам почитать... – Вроде бы в руках у него минуту назад ничего не было (впрочем, клясться Алена не стала бы по уже упоминавшимся причинам), но тут вдруг откуда ни возьмись появился разноцветный, зеленовато-сиренево-белесый листочек, который он и протянул Алене.

Она машинально взяла, а потом спросила:

– Что это?

– Мы – свидетели Иеговы. Слышали о такой организации?

– Да, что-то такое слышала, – кивнула она, испытывая почти неодолимое желание разжать пальцы и выпустить листочек и сдерживаясь исключительно из вежливости. – Но, знаете, я скоро уезжаю, так что едва ли я смогу приходить на ваши собрания... и все такое.

– Никуда не надо приходить, – ласково улыбнулся молодой человек. – Вы просто прочтите, что здесь написано.

– Хорошо, спасибо, – сделала Алена любезную улыбку. – Всего доброго, до свидания.

И она, подхватив Лизочку на руки, ринулась к кассе, из которой ей лихо улыбался знакомый по прошлому году карусельщик с мушкетерскими усами. Нет, судя по черному фетровому «стетсону», это был не Д'Артаньян сорок лет спустя, а какой-нибудь мачо... может быть, тот самый сентиментальный гаучо, которому посвящено чудесное танго. Расточая ему улыбки и беря билеты, она незаметно опустила листок, на который даже не взглянула, в урну, а когда отошла от кассы, увидела, что Руслан и Селин пялятся на нее с теми же приклеенными улыбками. Конечно, они видели, как Алена выбросила листок. У Руслана взгляд вроде бы снисходительный, но у Селин улыбочка слегка отклеилась... Ох, какой ведьминский оскал виден!

А может быть, Алене все это кажется? Ведь она, строго говоря, ничего не знает о свидетелях Иеговы, кроме того, что они не считают Иисуса Христа одним существом с Иеговой, Богом-Отцом, а уверены, что он – земное воплощение Михаила Архангела; у них нет церковной иерархии, каждый из верующих является проповедником. Еще Алена читала где-то, что, по их мнению, существует особый класс людей: «помазанники», или «малое стадо», число которых ограничено 144 тысячами и которые после смерти отправляются на небо, и «другие овцы», или «великое множество», не ограниченное числом, которые после Армагеддона останутся жить на земле. И еще свидетели Иеговы отказываются от любых видов переливания крови (кроме искусственных кровезаменителей и фрагментов крови, лишенных плазмы). И они полностью против участия в политике, военном деле и спорте. Никаких государственных праздников и даже собственных дней рождений они не признают, верят в устранение существующей сейчас системы порядка и восстановление рая на земле.

Вроде бы ничего страшного, ну, верят люди во что-то свое и верят... Хотеть не вредно. Однако у Алены с первого мгновения, лишь только она коснулась листовки, вдруг возникло жуткое ощущение неуют и покоя. Поэтому она ее и выбросила немедленно. Ну а когда обнаружила, что Руслан и Селин сидят на скамейке около карусели и смотрят на нее, Алenu начала бить дрожь. Господи, да вовек бы с этими свидетелями не видеться! Воображение у нее всегда было буйное, неумное, а сейчас оно стремительно рисовало сцены каких-то преследований, нападений, похищения ребенка... кадры из какого-то голливудского фильма ужасов... От этого мурашки стадами забродили по ее похолодевшей спине, и Алена решила, что ни за что не сойдет с карусели до тех пор, пока неприятная парочка не уберется отсюда. Даже пусть у нее всего лишь разболтались нервы, пусть она психопатка, пусть сектанты преследуют добрых людей только в криминальных романах и вышеупомянутых фильмах ужасов, но какое счастье, что было куплено целых тринадцать билетов на карусель! Правда, теперь от них осталось только шесть... Неужели они с Лизочкой совершили уже семь карусельных туров?! Как это Алена еще жива? А ребенок что-то притих. Неужели этого даже для нее достаточно? Хотя бы не стошнило бедняжку...

Карусель остановилась.

– Ну что, Лизочек, пора домой, а? Головка кружится?

Надо быстро сойти и затеряться вон в той толпе туристов, чтобы мерзкие Руслан и Селин не успели заметить и прицепиться... Может быть, Алена, как всегда, нагоняла на себя пустые страхи. Она вообще была жутко мнительна, часто принимала и желаемое за действительное, и нежелаемое тоже, но сейчас ничего не могла с собой поделать. С одной стороны, вроде пора уходить. С другой – лучше этого не делать.

– Пойдем домой? Или еще раз прокатимся?

– Encore! Еще! – радостно вскричал русско-французский ребенок. – Еще, Неня!

– Ну, анкор так анкор.

На этот раз кружились под «А Media Luz», причем не просто в оркестровом исполнении, а со знаменитой в незапамятные времена Анитой де Сильва. И Алена невольно улыбнулась, слушая вызывающий голос, свысока и в то же время униженно признающийся в смертельной любви. Она никогда не могла сдерживать эмоций при звуках хорошей музыки, особенно такой, как танго «А Media Luz», которое ну просто за сердце берет. А потом улыбка ее стала еще шире, потому что Руслана и Селин на прежнем месте не оказалось. Ура!

И вообще, среди зрителей произошли подвижки. Исчезли голубки-латиносы. Ушел араб, так и не раскрыв свой зонтик, ушел и черно-белый джентльмен. Черная нянька увозила коляску, ангелоподобный мальчишка плелся следом нога за ногу. Укатали сивку крутые горки!

«Вот и мы так же пойдем, – с мрачным юмором подумала Алена. – Если я вообще смогу сдвинуться с места!»

Целующая парочка и спящий под синим одеялом человек остались на месте. Те двое предавались прежнему занятию, но в позе лежащего появилось что-то новое. Что-то странное... Но на первый взгляд Алена не смогла понять, что именно. Поплыли мимо следующим кругом. Ага, одеяло почему-то скомкано у клошара на груди, и оно уже не синее, а какое-то темное...

– Blood! Blood! Кровь! – послышался истошный американский вопль.

Алена резко обернулась на повороте карусели. Американки вскочили и кинулись: одна прочь – другая – к телу. Поцелуйчики наконец-то разомкнули объятия. Еврейская семья улепетывала со всех ног, то же делала и элегантная девушка, миглом забывшая все свои выдуманные печали перед суровым лицом реальности. А карусель все кружилась, кружилась, и перед Аленой мелькали люди, которые со всех сторон спешили к скамейке, где неподвижно замер человек под синим, набухавшим кровью одеялом... Пробежали трое полицейских в черно-синей форме и смешных касках, всегда напоминавших Алене головной убор Меркурия с известной статуи. Один что-то взволнованно говорил в трубку радиотелефона... Сверху, с балюстрады,

перегибались негры, торговавшие там поддельными сумками («Настоящая «Соня Ракель», настоящая «Шанель», но даром, мадам, даром!») и вплетавшие в длинные волосы хорошеньких туристок разноцветные нитяные косички.

Карусель наконец-то остановилась.

– Епсоре! Еще! – требовала неутомимая Лизонька, но Алена уже стащила ее с карусели и в сопровождении звуков «Adios, muchachos!» ринулась к воротам в ограде, снизу окружавшей знаменитую лестницу на Сакре-Кер. Однако на пути образовалось небольшое столпотворение: гражданская сознательность разноплеменных туристов была явно не на высоте, все спешили как можно скорее покинуть место происшествия. Алена оглянулась: не легче ли будет обойти толпу и пройти мимо фуникулера, и тут взгляд ее упал на... Руслана. Парень стоял около кассы карусели и – Алена просто глазам своим не поверила! – рылся в прозрачном зеленом пластиковом пакете, которыми заменили все монументальные урны Парижа несколько лет назад, с тех пор, как террористы начали подбрасывать в них взрывные устройства.

В это мгновение кто-то сильно толкнул Алену, и она чуть не упала, едва удержав на руках Лизочку. Пришлось отвернуться, и она так и не поняла, почудилось ей или Руслан в самом деле выдернул из груды мусора зеленовато-сиренево-белесую листовку, которую Алена туда бросила несколько карусельных кругов, несколько танго тому назад.

Тут уж нашу героиню охватил самый настоящий неконтролируемый ужас, и она кинулась со всех ног через боковые ворота, помчалась вниз, вниз, к бульварам, не обращая внимания ни на лотки с мороженым, ни на промелькнувший мимо скверик Анверс, в котором такие чудесные горки, и песочницы, и качели, и все, что детской душе угодно... На ее счастье, укачавшаяся-таки Лизонька мало обращала внимания на жестокий обман – лишь сонно гладела по сторонам, а потом склонила голову на плечо Алене и уснула, проснувшись лишь около самого дома.

Так что к обеду они не опоздали.

Лизонька так устала, что даже не заметила, как съела две котлеты и снова уснула – на сей раз в своей кровати. Прилегла и Марина. Алене до смерти хотелось последовать их примеру, однако на золоченых антикварных часах в гостиной пробило два, и она засуетилась: как бы не опоздать в библиотеку!

Из воспоминаний Зои Колчинской

Да, я уснула, к тому же так крепко, что даже не слышала, как в камере воцарилась обычная утренняя суета, – как все вставали, переговаривались, переругивались, справляли утренний туалет (у нас все очень деликатно относились к отправлению естественной надобности и отворачивались, мужчины и женщины, если кто-то подходил к параше). Проснулась лишь тогда, когда за дверью завозились охранники, которые дважды в день приносили бачок с едой.

Едой у нас была овощная баланда, которую оставляли нам в бачке. А спустя полчаса охранники приходили за бачком снова. В бачке был большой уполовник, которым седой историк наливал баланду по мискам. Почему-то именно он был назначен раздачей пищи, наверное, за свой изрядно-таки отстраненный вид. Казалось, человек, имеющий такой потусторонний облик, чужого не возьмет, на лишнее не позарится... Собственно, так оно и было. В овощи добавляли перловку, так что еда, в общем-то, была сытная, хоть и скудная, унылая. Хлеба, кислого, сырого, тоже было мало. Никому с воли ничего не передавали, это было запрещено большевиками. Словом, завтрак, обед и ужин были у нас в камере временем святым, все относились к еде истово и исподтишка, а кто и откровенно, косились, не съел ли кто-то больше. Все вечно были голодны...

И вот, едва приоткрыв глаза, наблюдаю сцену: тюремщики ставят посреди камеры бачок с баландой, потом велют всем приготовить посуду. Все мигом полезли на нары и вытащили свои миски и ложки, которые не знали ни горячей воды, ни мыла, но всегда блестели чистотой, потому что были вылизаны до блеска. Моя соседка-воровка достала свой прибор и мой, поскольку я лежала на полу, а не на нарах. В результате все показали свою посуду – кроме Малгожаты, которая тоже, как и я, едва проснулась и еще не вполне осознала, где находится.

– А ты что ж? – спросил тюремщик, глядя на нее исподлобья. – Ты посуду покажи.

– Нема, – пробормотала она по-польски, но тотчас перешла на русский язык: – У меня нет.

– Как же это тебя в камеру определили, а посуды не дали? – не поверил тюремщик, который на дежурство заступил только с утра, значит, принимал эту незнакомку на тюремный постой другой человек, его сменщик. – Может, тебя и на довольствие не определили? Ну, коли так, будешь голодом сидеть, пока начальник не придет и не прикажет тебя кормить.

– А когда он придет? – робко спросила Малгожата.

– Ну, когда... – почесал в затылке, сдвинув на лоб форменную фуражку, тюремщик. – Они нам не докладывают. Может, сегодня, а может, и завтра. Тогда и скажут ему, так, мол, и так...

– Как же мне быть? – ахнула Малгожата. – Что же мне, голодной оставаться, пока начальник не придет?

– Видать, так, – развел руками тюремщик.

Малгожата скользнула глазами, полными слез, по нам всем, стоящим с мисками и ложками в руках, и с умоляющим выражением обратилась к нашему неподкупному раздатчику. И вдруг его сухое, насмешливое, желчное, востроглазое лицо словно бы растаяло, как если бы оно было не лицом, а какой-то сосулькой, и эта сосулька на наших глазах обратилась в лужицу воды. И мы все смекнули, что он сделает: нальет нам не по полному уполовнику, а чуть недочерпнет, а оставшееся на дне отдаст женщине.

К несчастью, понял это и надзиратель.

– А ну-ка! – сердито выкрикнул он. – Ну-ка! Не баловать! Начиная раздавать пищу, и ежели хоть что останется на дне, я тя живо определяю в карцер, на сухую голодовку на пятеро суток! А то и под расстрел пойдешь за попытку к бегству!

Историк вздрогнул, бросил острый взгляд на тюремщика и, кивнув, взялся за раздачу. У него было какое-то необыкновенное чувство меры, все всегда получали строго поровну. Взмах черпака – отойди! Взмах черпака – отойди!

Тюремщик следил за ним особенно пристально, дождался, пока бачок опустел, подхватил его и, бросив злорадный взгляд на новую узницу, сделал знак товарищу открыть дверь. Они ушли, дверь захлопнулась, лязгнул засов, удалились тяжелые шаги по коридору, и тут – господи боже, никогда такого не видела! – все, как один, мужчины, обитатели нашей камеры, протянули свои миски новой узнице!

Да, знаете, забросать красавицу охапками цветов – это очень галантно, возвышенно, и все такое. Но отдать скудную еду, жалкую порцию, которой мы ждали, как манны небесной, которая одна только поддерживала наше существование и составляла смысл тюремного бытия так же, как мечта о свободе, – в этом было нечто большее, чем галантность, что-то настолько щемящее, что у меня на глаза навернулись слезы. Я кое-как сморгнула их и устремила взгляд на виновницу великого события.

Первый раз я рассмотрела Малгожату... Она оказалась довольно высокого роста и необычайно тонка в кости. Изящество ее фигуры было совершенно необыкновенное, и это при том, что она обладала высокой грудью и довольно широкими бедрами. Пенюар ее был пронизан светом (ставни на наших окнах уже открыли, и в них вливалось солнце), и каждая линия ее прекрасного тела была видна отчетливо. Казалось, будь Малгожата обнажена, она не могла бы вызвать большего ошеломления, восторга, негодования. Кудрявые каштановые волосы, великолепные брови, огромные синие глаза, рот, напоминающий цветок... Она была неправдоподобно красива!

Ну, конечно, когда первая минута потрясения прошла, женщины уставились на нее с ненавистью. Может быть, одна только я по-прежнему смотрела с ошеломленным восхищением. Что и говорить, я с первой же минуты признала ее первенство передо мной. Так младшая сестра-дурнушка всю жизнь с восхищением смотрит на старшую сестру-красавицу, даже если та уводит у нее поклонников...

Нет, все-таки зависть была в моем взгляде и в моем сердце – зависть к совершенству красоты, которой я никогда не буду обладать. Я тогда еще не понимала, что завидовать следовало вовсе не красоте. Завидовать следовало умению этой женщины брать в руки мужское сердце, мять его, словно глину, и лепить из него то, что ей хотелось. Она была Цирцея, сирена, ей почти невозможно было противиться. Рано или поздно она получала того, кого хотела... Немало я видела мужчин, поработанных ею, среди всех моих знакомых только один остался полностью равнодушен к ее чарам. И я благодарю за это Бога, потому что то был единственный человек на свете, которого я любила. Не могу сейчас не воздать должное светлой, вечной памяти о нем, любви к нему, которая живет в моем сердце и будет жить, доколе жива я, а может быть, и после смерти, потому что, крепко надеюсь, мы встретимся с ним на небесах.

Но я возвращаюсь к описанию событий 1918 года, возвращаюсь в Свийскую городскую тюрьму, в общую камеру, стены которой впервые наблюдали зрелище такого самопожертвования мужчин ради одной женщины.

– Дзенкуе бардзо, – прошептала она между тем, краснея и прижимая руки к горящим щекам. Потом, окинув ласкающим взглядом мужчин – она как-то так умудрилась посмотреть на них, что каждый решил, будто ее взгляд адресован именно ему, – Малгожата сделала выбор и с застенчивой улыбкой протянула руку к миске, которую ей протягивал тот самый офицер, который казался мне чем-то знакомым.

Это был поручик лет двадцати пяти, черноволосый и черноглазый, с мелкими, невыразительными чертами бледного лица и чуть-чуть скошенным подбородком. Впрочем, у него были довольно красивые миндалевидные глаза и поистине соболиные, сомкнутые на переносице брови. Почему-то именно в ту минуту я наконец узнала его: ну да, конечно, он был одним из

тех, кто проходил через нашу подпольную организацию спасения белых офицеров, застрывших в городе после спешного, панического, неорганизованного бегства остатков армии. В основном это были больные и раненые, которые ушли из лазарета на своих ногах (эвакуировать их организовано не было ни персонала, ни транспорта). Остальных отступающие оставили на попечение города, однако красные первым делом ворвались в лазарет и подожгли его... Все тяжелораненые заживо сгорели. Я сама видела обгорелые трупы, повисшие на черных, обугленных рамах...

Когда я офицера вспомнила, мне страшно стало. Если он попался, значит, попались те, кто вел его после меня по цепочке! Неужели они тоже арестованы, а то и казнены? А что, если он меня вспомнит и невзначай выдаст? А если нас посадили в одну камеру, чтобы мы стали разговаривать о тех делах, а кто-нибудь (в каждой камере есть подсадные утки, это всем известно!) подслушает и нас выдаст?

И я ничем не показала, что вспомнила его. А ему было совершенно не до меня.

Малгожата приняла ложку из рук офицера – он засиял так, как будто сам государь-император вручил ему орден! – опустила на нары и сделала ему знак сесть рядом. Он опустился, держа в руках миску, и она зачерпнула баланды ложкой, проглотила, а зачерпнув вторую, протянула ему. Молодой человек открыл рот... Она кормила его, как ребенка, ела сама...

В этой картине было что-то забавное, трогательное, будоражащее нервы, внушающее тоску, заставляющее волноваться. Люди отворачивались, начинали есть свою баланду, лица были у кого угрюмые, у кого тоскливые. Я случайно взглянула на нашего историка. Давно не видела я такой смертельной печали на лице мужчины! Этот сорокалетний седой человек казался мне, двадцатилетней, глубоким стариком, но я вдруг поняла, насколько ранено его сердце почти интимной сценой, как жаждет он оказаться на месте черноглазого поручика! Да, впрочем, все мужчины жаждали этого, они с трудом скрывали ревность!

Женщины были мрачны, ели с ожесточением. Я забралась на свои нары – там до сих пор лежала безрукавка Малгожаты, камизэлька, как она ее назвала, – и, принявшись без всякого аппетита за еду, подумала, что участь новой заключенной в нашей камере будет печальна, печальна... Да и участь поручика, пожалуй.

И я словно накликала беду! Один из воров вдруг отставил свою миску и бросился на прижавшуюся друг к дружке пару: Малгожату и поручика. Он с силой отшвырнул офицера на пол и сел на нары на его место. Поручик возился в углу, пытаясь подняться, а вор дотянулся до своей миски, схватил ее и протянул Малгожате с видом одновременно покорным и угрожающим.

Она посмотрела на него и вызывающе засмеялась, а потом приняла из его рук ложку... и принялась кормить его так же заботливо, как до того кормила поручика, не забывая есть и сама.

Некоторое время длилась немая сцена, а потом раздался истошный женский визг и проклятия. Это не выдержала одна из воровок – признанная подруга того, кто пал жертвой чар новой заключенной.

Воровка кинулась вперед, желая вцепиться в роскошные кудри соперницы. С другой стороны на вора налетел очнувшийся поручик, и на нарах образовалась ужасная, безобразная куча-мала. В пылу борьбы воровка выплеснула на красавицу баланду из попавшейся под руку миски. В драку ввязался хозяин миски – тот самый студент, убийца своего профессора.

Малгожата каким-то образом вывернулась из свалки – лицо и пеньюар ее были залиты гнусной овощной бурдой. Но воровка схватила ее за подол, с силой рванула его – открылось нагое тело! – и при виде этого, словно зверь в битву за самку, в драку кинулся «буржуй», тот самый, который пытался поменять часы на муку.

Шум, крик, ругань! Во все стороны летели клочья одежды, раскиданные вещи, оборванные пуговицы. Малгожата снова выскользнула из кучи-малы и, схватив пустую миску, валявшуюся на полу, заколотила в дверь с истошным криком:

– Убивают! Спасите!

Тотчас заскрежетал засов. Видимо, охрана уже подошла к двери, привлеченная необыкновенным шумом.

Ворвались часовые, мигом растащили дерущихся, но не ограничились этим, а выволокли вон всех четырех мужчин и двух женщин: воровку и красавицу. Перед тем как переступить за порог камеры, Малгожата обернулась. Нашла меня взглядом и крикнула что-то невнятное, из чего до меня долетели только два слова:

– Бардзо проше, взенць камизэлька!

«Бардзо проше» по-польски «пожалуйста», «взенць» – «возьмите», «заберите». Получалось, Малгожата оставила мне свою безрукавку. Почему?

Я безотчетно схватила безрукавку, пахнущую ее духами, и прижала к груди, глядя на захлопнувшуюся дверь. У меня слезы снова подкатили к глазам – так жаль мне было это несчастное, безвинно пострадавшее существо. Я уткнулась в доставшуюся мне камизэльку и горько заплакала.

* * *

Всю дорогу до библиотеки Алена вспоминала жуткую сцену, происшедшую нынче вблизи любимой карусели на Сакре-Кер. Кто-то же прирезал этого несчастного, спящего под синим одеялом! И, что характерно, почти на глазах Алены! Кто убийца? Один из тех, кто сидел поблизости? Или незаметно подкрался *некто*... Ну уж нет, незаметно подкрасться туда было невозможно, кто-нибудь да видел этого самого *некто*! Это тот, кто ушел? Тот, кто остался? Полиции уже известно, кто он? Его ищут? Или убийца ускользнул? Араб с зонтиком? А что, вдруг в зонтике скрывался стилет... Какого-то болгарского шпиона отправили на тот свет с помощью укола зонтиком, острый конец которого был пропитан жутким, смертельным ядом... А может, виновато еврейское семейство? Разборка по поводу сектора Газа или насчет чего теперь разбираются евреи и арабы? Нет, вряд ли семейство: слишком оно было толстое и медлительное. И точно не чернокожая нянька с тремя детьми. Элегантный мсье в черном фетровом «стетсоне», таком же, как у карусельщика? Может быть... На полотно Алениных подозрений так и просились Руслан и Селин, отчего-то наша детективщица кровожадно мечтала, чтобы убийцами оказались именно эти двое, а главное, просто молилась, чтобы они уже были задержаны полицией и понадежней упрятаны за решетку, откуда им не выбраться никакими вышними и всевышними силами, даже с помощью самого Иеговы.

Ей не нравилось это имя бога. Вот не нравилось, и все тут! То ли дело, к примеру, Саваоф. Такой добродушный, снисходительный, всепрощающий дедуля... А Иегова беспощаден.

Интересно, зачем Руслан вытащил из урны листовку? Что, у них дефицит агитационных материалов? Или Алене просто померещилось это, как частенько что-нибудь мерещилось?

– Пардон, – буркнул кто-то рядом. Приторно пахнуло пачулями, и Алenu, чуть не толкнув ее, обогнал высокий худой человек в черных джинсах и свободно болтающейся черной блузе. На голову была нахлобучена черная шляпа типа «стетсон». Быстрым шагом пройдя вперед, он вошел в какую-то дверь, лишь на мгновение помедлив, пока открывал электронный замок, и оглянувшись на Алenu. Нависшие поля шляпы прикрывали лицо.

«Что-то многовато «стетсонов» для одного дня», – подумала Алена. Карусельщик, потом мсье в белом пиджаке (предполагаемый убийца клошара, между прочим!), теперь вот этот... Можно подумать, она не в Париже, а на Диком Западе!

Судя по одежде, последний был мужчиной. Судя по запаху – женщиной. А впрочем, все смешалось в нашем мире! Это во времена Сомса Форсайта пачулями пользовались только падшие женщины, а теперь небось их могут употреблять и мужики определенного пошиба. Которые как бы даже и не мужики.

Ладно, бог с ними – с пачулями, мужиками, «стетсонами», Русланом, листовками, каруселями и карусельщиками. Вот и рю Валанс, вот и дом номер 11. Да, 11, а вовсе не 9а! А карточки около кодового замка опять нет. Ну, понятно, библиотека ведь сегодня официально не работает.

Алена нажала на кнопку внизу замка. Однако дверь подъезда не открылась, а вместо этого зажегся крохотный экранчик домофона, и на нем появилась надпись: «Наберите номер квартиры, в которую вы направляетесь. Спасибо».

Алена пробежала взглядом по кнопкам, потом оглядела каждую пристально. Она не знала номер квартиры, в которую направлялась! Решила пойти по пути наименьшего сопротивления – достала мобильник, набрала телефон библиотеки и, услышав отклик, сказала в трубку:

– Алло, добрый день, это Алена Дмитриева. Я принесла книгу... помните, вчера... такая без конца и без начала, мемуары. Только войти не могу, здесь заперто, а номера вашей квартиры я не знаю.

– А, добрый день! – сказала библиотекарша, Алена по голосу не поняла, которая из двух. – Вы пришли, отлично. Номер 1–1, но я вам сама открою, входите.

Замок щелкнул, Алена толкнула дверь, пересекла зеркальный, чистенький подъезд, в котором по-прежнему стоял сильный запах краски, и подошла в лифту. На ручке кабины болталась табличка с надписью: «Fermé!»

Алена пожалала плечами – странная табличка. Обычно если лифт не работает, так и пишут: «Excusez, l'ascenseur ne travaille pas!», то есть «Извините, лифт не работает». А тут почему-то сообщают: закрыто, мол. И без всяких извинений. Ну и ладно, fermé так fermé. Видимо, даже французы устают быть беспрестанно вежливыми. Алена миновала лифт и вошла в лестничный отсек. Вот он, знаменитый подъем на колокольню!

Это была ее последняя связная мысль за довольно долгий промежуток времени.

Она дошла до поворота лестницы и начала уже подниматься на площадку, где находилась библиотечная дверь, как вдруг кто-то метнулся сверху и с силой рванул сумку из ее рук. Алена потеряла равновесие, резко развернулась и сорвалась со ступеньки. Каким-то чудом она успела уцепиться за перила, однако падение не остановила, а просто задержала его, сорвалась не в подземелье замка Иф, а всего лишь на три ступеньки. Впрочем, и этого ей оказалось вполне достаточно, потому что она упала на оба колена, причем упала так, что...

Сначала у нее заискрилось перед глазами, а потом тошнота подкатила к горлу от несусветной боли. И весь мир как бы померк. «Понимаешь, это остро, очень остро!» – пробился сквозь шум в голове чей-то прочувствованный голос. А, песня была когда-то со словами: «Понимаешь, это остро, очень остро – солнце, ветер, море, сопки и дожди...», что-то в таком роде. Они пели ее с девчонками и кавалерами в Хабаровске, у костра на высоком берегу Амура. Кстати, была еще одна песня, как раз про высокий берег Амура, на котором кто-то стоит... Часовые родины, вот кто! Они там стоят, а она тут лежит. Она, Алена Дмитриева, лежит, поверженная во прах...

Алена очнулась и вскочила на ноги.

Ужасно больно, но еще ужаснее, что она вот так стояла на четвереньках. Унизительно и глупо!

Ладно, если она может стоять, значит, может и идти. Только уж лучше больше не падать, потому что еще одного такого удара коленки просто не выдержат.

О господи! До нее начало потихоньку доезжать: да ведь она не сама упала, ее кто-то столкнул! Ее столкнул человек, укравший у нее сумку!

Боже, а там ведь книжка! Библиотечная книжка!

Да ее теперь просто убьют тургеневские дамы. Убьют, исключат из библиотеки, предадут позору...

Алена снова покачнулась, снова схватилась за перила... и не поверила глазам, увидев у подножия лестницы свою сумку, ту самую, которая была украдена несколько минут назад каким-то неизвестным бандитом.

Не чувствуя ни боли, ни вообще ничего, кроме изумления, она как-то спустилась вниз, схватилась за это удобное, симпатичное, розовое, перламутрово переливающееся изделие итальянских ремесленников. Сумка открыта, нутро вывернуто: расческа, зеркальце, пакетик жевательной резинки, пачка носовых платков, помада, флакончик духов, ксероксная копия с зарубежного паспорта, пилочка для ногтей, кошелек, сотня евро, лежавшая отдельно, в карманчике, – все выброшено, все валяется. Вот рассыпались сиреневым веером билеты на метро, которые Алена купила только вчера, – десяток сразу, и еще не успела проехать... А это что такое? Ее мобильный? Его тоже не украли? И – нет, это галлюцинации, Алена, как водится, принимает желаемое за действительное – тут же лежит раскрытая библиотечная книжка!

Остро вступила боль в левое колено, и Алена так и села на ступеньку.

Очень интересно. У нее вырвали сумку, ее чуть не искалечили (а может, даже искалечили, еще неизвестно) – и ради чего? Ради того, чтобы вывернуть наизнанку розовую сумку?

Сидя на ледяной ступеньке, Алена подбирала разбросанные вещи, снова и снова убеждаясь: ничего не пропало. Правда, когда она взялась за книгу, возникло странное ощущение, будто чего-то все же не хватает. Может быть, бандит со злости выдрал несколько страниц? Главное, проверить нет возможности, потому что книга-то сброшюрована самым причудливым образом, все страницы перепутаны. Хотя, на первый взгляд, ни одна вроде не вырвана, никаких обрывков не торчит...

Стоп, а где закладка? Где выцветшая желтая ленточка, к которой была приклеена картонка цвета слоновой кости с вырезанным посередине наивным сердечком и столбиком лиловых цифр?

Все осталось на месте, кроме закладки...

Бред какой-то!

Надо было немедленно ухватиться за какое-то рацию, и Алена ухватила за первое попавшееся объяснение: напавший на нее человек, наверное, из тех, кто ворует кредитные карточки. Не обнаружив таковую ни в сумке Алены, ни в ее кошельке (прежде всего потому, что кредитной карты у нее отродясь не водилось), грабитель так разозлился, что в порыве ярости выдрал из книги закладку – и убежал.

Ну что ж, такое объяснение вполне годилось... правда, в нем зияли две прорехи.

Во-первых, почему грабитель, если он так уж алкал денег, не забрал те пятьдесят евро разнокалиберными бумажками и монетами, которые лежали в Аленином кошельке, а также сотню, которая хранилась отдельно? Не заметил? Или испытывает жгучее отвращение к наличке? Всякое бывает – наверное, и такое возможно. И мобильник не забрал, хотя мог бы его продать...

Прореха номер два – зачем грабитель уволок с собой закладку? Алена нарочно посмотрела – она нигде не валялась. На память о неудаче? Мазохист-фетишист, да? Наверное, встречаются и такие господа...

Ладно, все это чепуха, закладка определенно не представляет никакой антикварной ценности. И будем надеяться, ее пропажи никто не заметит.

Алена прижала к груди свое имущество и встала. Вернее, попыталась это сделать. Боль шаханула снова, и она тихо ойкнула:

– Боже, только бы не перелом!

Нет, наверное, все-таки не перелом: она ведь может стоять, и даже идти, и даже подниматься по ступенькам, хотя боль заставляет желудок сжиматься в какой-то тошнотворный комок и подкатываться к горлу. Ох, как высока колокольня... Но вот и первый этаж.

Алена толкнула дверь библиотеки, тренькнул колокольчик.

– Здравствуйте.

– А, это вы! – воскликнула библиотекарша по имени Ирина. – Что так долго шли? Заблудились, что ли?

Гордыня нашей героини не позволила ей признаться в случившемся. К тому же нелогичность нападения на нее казалась ей сущим бредом. Расскажешь, а тебя сочтут сумасшедшей. Или скажут, что врешь...

– Извините, – с усилием выдавила Алена. – Мне просто позвонили на мобильный, ну, пока поговорила...

– Понятно. Спасибо, что вовремя книжку принесли. Эта наша читательница, мадам де Флао, уже звонила, спрашивала, вернули ли ее.

– Сейчас только четверть четвертого, – пробормотала Алена.

– Ну да, ну да, – кивнула Ирина. – Но она такая, знаете, немножко вздорная особа... хотя и хорошая женщина. Не без странностей, конечно. Очень кичится своим происхождением и уверяет, что является прапраправнучкой знаменитого Шарля де Флао, наполеоновского генерала, который был, как принято считать, побочным сыном самого Талейрана. Якобы у Шарля де Флао был роман с графиней Анной Потоцкой, представительницей древнего польского рода, – болтала Ирина, разыскивая Аленину карточку, – и у них родился тайно ребенок, которого Шарль потом, много лет спустя, усыновил. Вот от него-то и ведет свою родословную наша мадам де Флао. Не знаю, насколько это правда...

– Думаю, ни насколько, – перебила Алена, которой уже невольно сделалось терпеть боль и слушать исторический бред. – Вы сказали, что мадам де Флао разыскивает мемуары своей матушки? Но автора мемуаров звали Зоя Колчинская, она не раз называет свое имя и фамилию. А замуж она, судя по логике повествования, должна была выйти за человека по имени Лев Сокольский. Значит, ваша читательница, если она и впрямь дочь Зои, стала де Флао только после замужества, то есть она не может быть потомком того наполеоновского генерала и польской графини. Будь она дочерью не Зои, а...

Ирина озадаченно нахмурилась и перебила ее:

– Я говорила, что мадам де Флао ищет мемуары своей матушки? Что-то не припомню, когда я могла это вам сказать...

Алена прикусила язычок.

Натурально, Ирина не помнит, потому что и в самом деле ничего такого не говорила читательнице Дмитриевой. Алена случайно услышала ее разговор по телефону с мадам де Флао. Подслушала, можно сказать. О господи, нога... Как больно-то!

– Да, в самом деле, это воспоминания ее матери, в девичестве Колчинской, – продолжила Ирина. – Однако замуж Зоя вышла вовсе не за... Как вы сказали? Какой-то Лев...

– Сокольский, – подсказала Алена.

– Да-да. Так вот, замуж Зоя Колчинская вышла не за него, а именно за мсье де Флао, так что ее дочь вполне законно может называть себя потомком...

– Понятно, – вовсе уж нелюбезно прервала библиотекаршу Алена, у которой боль от колена поднялась словно бы до самого сердца. – Тогда прошу прощения, беру свои слова назад. До свиданья.

Ирина простилась с озадаченным видом, Алена деревянно промаршировала до двери, с ужасом чувствуя, что ступить на ногу становится все больнее и больнее, все невыносимее и невыносимее. Боясь даже представить, каково же ей будет спускаться по лестнице, она, с трудом перешагнув порог, столкнулась нос к носу со второй библиотекаршей, выходявшей из лифта.

– О, лифт, значит, уже починили! – облегченно вздохнула Алена.

– Починили? Да он вроде и не ломался, – удивилась библиотечная дама. – Я час назад уходила – работал, пришла – работает...

– А разве внизу на кабине не было объявления «Fermé!»?

– Нет...

– Нет? Ну, значит, я что-то перепутала. Извините, до свидания!

И Алена героически, как маленький спартанец, у которого лисица сидела на коленке, а не на животе, вошла в лифт, нажала на 0 и поехала вниз, на тот этаж, который французы называют нулевым, а мы первым.

Вышла, огляделась. В самом деле – нет объявления. Странно это... И странные мысли лезут в голову. Например, о том, что вовсе не случайный какой-то хулиган набросился на нее на лестнице. Что, если он подстерегал там добычу, нарочно повесив сначала объявление «Fermé!», которое уместнее смотрелось бы на двери магазина, а не лифта? Небось и стащил – то он ту табличку именно в каком-нибудь магазине и вывесил здесь, вынуждая людей идти пешком, и набрасывался на них...

Впрочем, почему это Алена говорит о себе во множественном числе? Пока ей достоверно известен только один случай нападения. Конкретно на нее. Грабитель вряд ли идиот, сбежавший из психушки: должен предполагать, что ограбленный и в полицию позвонить может. Значит, он собирался обчистить кого-то одного. Рассчитывал на везение, однако ему не повезло: у намеченной жертвы не оказалось кредитки.

Ну да, а до налички и мобильного ему просто дотронуться было противно? А книжку, между прочим, можно было бы сдать в антикварную лавку...

Хорошо. Если следовать логике, целью грабителя было нападение ради нападения. Или – украсть закладку из книги. Или – убить Алену Дмитриеву. Вернее, Елену Дмитриевну Ярушкину (таково ее настоящее имя, а Алена Дмитриева – писательский псевдоним, который она обожает), гражданку России, 1964 года рождения, рост 172 см, вес 65 кг, не замужем, детей нет... одинока, одинока, одинока...

Стоп.

Вернемся к происшествию дня.

Итак, нападавший хотел ее убить, столкнув с лестницы...

А что? Истории известен случай, когда Роберт Дадли, фаворит императрицы Елизаветы Тюдор, избавился от своей жены, столкнув ее (не сам, конечно, а чужими руками) с лестницы. Она сломала шею, красавчик Роберт сделался свободен, что счастья ему все равно не принесло...

Надо полагать, истории известен не один этот случай, но как способ убийства он себя не оправдывает. Слишком неверен, слишком ненадежен. Вот и Алена не сломала шею, а только ушибла колено. И даже если у нее перелом...

Ой, нет!

Ой, да – в смысле, а если да? А если именно ради этого ее и спихнули с лестницы? Перелом – значит, неподвижность, хотя бы временная. Неподвижность – значит, она никуда не ходит и не едет. Не ходит гулять с Лизочкой, не едет с друзьями в Тур.

То есть что получается – нападение затеяно ради того, чтобы она в Тур не ехала?! Или чтобы снова не появилась на Сакре-Кер, около карусели, чтобы не попадалась на глаза полицейским, которые, конечно, ведут дознание насчет странного убийства и опрашивают всех, кто что-то знает-видел-слышал или мог видеть-слышать... Стоп, а откуда полицейские могут знать, что Алена Дмитриева была около карусели именно в это время? Ну как откуда? От карусельщика, который регулярно строил ей глазки в прошлом году, с того же начал возобновление знакомства и в нынешнем!

Бред. Карусельщик не знает ни как ее зовут, ни где она живет, а чтобы напасть на нее на библиотечной лестнице, нужно точно знать, что она придет сегодня в этот дом. Или хотя бы следить за каждым ее шагом. Ну, тут целая организация потребуется, да каких масштабов!

Она не замечала никакой слежки. Правда, человек в черном «стетсоне», который ее обогнал, вполне мог следить...

Нет, он вошел в какую-то дверь раньше, чем Алена – в свой номер 11.

А может, она пошла... то есть может она быть уверена, что незнакомец в «стетсоне» не вошел именно в эту дверь, именно в дверь дома 11?

Нет, не может. И все же, откуда ему было знать, куда именно она идет?!

Ну, например, незнакомец сообразил: если на рю де Валанс находится русская библиотека, то 99 процентов из 100, что русская женщина, идущая по рю де Валанс, направляется именно в русскую библиотеку.

Но откуда бандит знает, что она русская?!

Следил за ней, слышал, как она говорит по-русски... Но на рю де Валанс она ни словом не обмолвилась ни с кем, потому что шла одна. Говорила только с Лизочкой на Сакре-Кер...

И снова выглянули откуда-то хорьковые мордочки Руслана и Селин. Вот вам и организация, да каких масштабов!

Ну и чем помешала их гоп-компании Алена Дмитриева?

Почему она не должна ехать в Тур?

О господи... Ну что тебе лезет в голову, кому ты нужна? Только себе. И позаботиться ты должна сейчас о себе сама. На ногу наступить все большее, колено распухает. Хорошо, что ты в брюках, а не в юбке, то-то была бы картина! Вспоминай-ка университетскую военную кафедру, курс медицины. Давящая повязка, холодный компресс, иммобилизация конечности, то есть обеспечение ее не подвижности... Алена вдруг вспомнила вывески, которые довольно часто встречала на парижских улицах: «Immobilier», что означает «Не подвижность», – и неожиданно для себя захохотала.

Может, она не только колено, но и голову ушибла? И у нее теперь сотрясение мозга? Нашла с чего хохотать!

Кривясь не то от боли, не то в улыбке, она, изо всех сил стараясь не хромать (а как же, гордыня-то ведь непомерная!), домаршировала до ближайшей аптеки и купила эластичный бинт. Вышла из аптеки, завернула за угол, в безлюдный тупичок, задрала брючину, обмотала колено жестким, негнувшимся, каким-то лубяным бинтом, больно царапающим кожу, – с одной стороны бинт был почему-то проклеен бумажной лентой, – и озадачилась: как же его закрепить? Вот «у нас в России» эластичные бинты и правда эластичные – мягкие, плотно прилегают к коже, и с ними в комплекте продается такая хорошенькая скрепочка. А тут...

Она кое-как заправила конец бинта под намотанные кольца, одернула брючину, однако не сделала и пяти шагов, как бинт размотался. Снова остановилась, снова перебинтовала ногу, снова пошла... Тот же результат.

Нет, этот номер не пройдет, придется брать такси и ехать... Алена прислушалась к своим ощущениям... придется ехать к хирургу. Неподалеку от рю де Прованс, на бульваре Осман, находится медицинский центр, который так и называется: «Осман». И надо спешить: еще полчаса – и левая штанина просто лопнет на неудержимо распухающей коленке. По пути придется позвонить в Москву, в страховую компанию «Югория», поставить их в известность: мол, упала и, кажется... Неужели все-таки перелом?!

А кстати, как по-французски перелом? Ну, она скоро узнает это слово!..

Из воспоминаний Зои Колчинской

Ночью увели всех офицеров, еще остававшихся в камере. Больше я их никогда не видела. А на другой день нас, оставшихся, развели по разным камерам. До тюремного начальства вдруг дошло, что опасно держать вместе мужчин и женщин. Более того – начали отделять политических от уголовников, поэтому в нашей бывшей камере остались воровки и женщина-убийца, а к ним должны были подселить товарок по ремеслу из других камер. Девочку, сдававшую комнаты офицерам, и старуху, замышлявшую убийство Ленина, отвели вместе к самым опасным политическим преступникам. А меня отправили в общую женскую камеру, где находились лица вроде меня: на которых лежало подозрение, но вина которых была не доказана.

Как будто была доказана вина той несчастной старухи! Ее ведь терзали за одни только пустые, бредовые мечтания!

Новая камера была похожа на предыдущую, только чище, просторнее, прохладнее, воздух в ней был свежее, хотя и холоднее, поэтому я не один раз вспомнила добрым словом Малгожату, оставившую мне свою камизэльку. Наверное, если бы не она, я разболелась бы всерьез, и так-то простудилась и несколько дней провела, лежа на нарах, почти все время спала, едва открывая глаза, когда приносили еду, и ела просто через силу.

На своих товарок по заключению я почти не обращала внимания, хотя по каким-то репликам поняла, что тут были в основном жены офицеров, а также несколько учительниц, которых посадили то ли затем, чтобы они не учили красных детей белым премудростям, то ли потому, что красные дети вообще ни в каких премудростях не нуждались, их, верно, с колыбели готовили на роль убийц. Были также актрисы из местной оперетты, которых чаще других таскали на допросы, кончавшиеся всегда насилием. Женщины эти были едва живые. Впрочем, почти все обитательницы нашей камеры испытали на себе гнусность представителей новой власти, которые пользовались ею по своему произволу, а что меня не трогали, так спасала моя болезнь – жар у меня какое-то время держался. А может, я с моей худобой казалась им непривлекательной, за что благодарила господа.

Город Свийск хоть и считается большим, а все же мир тесен, так что и в нашей камере увидела я одну свою знакомую. Она меня не тотчас узнала, а мне долгое время казалось, будто она мне в бреду мерещится, столь плохо я себя чувствовала. Но потом я поняла, кто это. Встречались мы с ней три года назад. Война с германцами тогда еще продолжалась, через Свийск шли санитарные эшелоны, многих раненых оставляли в лазаретах и большом военном госпитале, которым славился наш город (в том самом госпитале, который потом красные сожгли), и я попросилась туда работать добровольной помощницей. Тогда я ни к чему еще не была годна, дела сестринского не знала, и меня поначалу определили выносить и мыть грязные тазы и инструмент после операций. Но так вышло, что в первый же день я увидела в одном таком тазу отрезанную ногу какого-то несчастного и немедленно упала в глубокий обморок, из которого меня едва вывели. С тех пор меня определили помогать в палатах – письма писать, полы мыть, а больше всего я работала в материальной комнате (на складе) нашей перевязочной – скатывала бинты, готовила вату для операций... Работы было очень много что у меня, что у другого медицинского персонала, мы дежурили по несколько суток подряд, спали урывками в комнате, где были сложены носилки, прямо на этих носилках, но меж нами царил дружба и отношения складывались теплые.

Однако была среди сестер одна, которая меня почему-то с первой минуты невзлюбила и всегда норовила уколоть моей слабостью в первые дни работы. Звали ее Ада Константиновна Тимофеева, она была женщина лет тридцати пяти, из свийских помещиц, одинокая, окончив-

шая в свое время курсы при Кауфманской общине⁸ и на всю жизнь, как я понимаю, впитавшая в себя суровую выучку, которую дают именно эти курсы. На раненых она смотрела без жалости, подозревала во всех, кроме самых безнадежных, притворщиков, но работала хорошо, самоотверженно, вот только на младшем персонале отыгрывалась. У кауфманских правила строгие, у них чепец нельзя ни на миллиметр со лба сдвинуть, не дай бог, выбьется прядка. Ну а если видна будет челка, вообще грех смертный, незамолимый! Ада Константиновна то и дело норовила поймать какую-нибудь сестрицу в коридоре и принималась ее распекать, совать ей пальцы под чепец и драть за высунувшиеся наружу волосы. Помнится, мы ее не любили и норовили мстить способом детским и наивным. Ада Константиновна питала огромное уважение к титулованным особам, и вот в минуты отдыха или за столом, когда мы оказывались с ней рядом, мы начинали безудержно врать, вспоминая высокопоставленных знакомых – графов, князей, петербургских, московских, почти сплошь выдуманных. У кого расходилось воображение, те приплетали и каких-то французских маркизов или английских баронов (бог знает, есть ли они в Англии, бароны-то!). Ада Константиновна верила каждому слову и страшно бесилась. Она была по сути своей тупо-правдива, лишена всякого воображения и даже признаков фантазии и вообще не понимала, как можно лгать, да еще так витиевато, как делали это мы, все недавние гимназистки или институтки, барышни образованные и уж, во всяком случае, начитанные. Особенно бесилась она, когда мы начинали болтать по-французски. Ада Константиновна не понимала ни слова, поэтому мы беззастенчиво бранили ее, а она, видно, это чувствовала, но поделать ничего не могла.

⁸ Школа ученых сиделок имени генерал-лейтенанта М.П. Кауфмана была открыта в Петербурге в 1902 году и пользовалась большой популярностью даже среди дам высшего общества, особенно во время Первой мировой войны. Она славилась высокой профессиональной репутацией и отличалась очень строгими правилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.